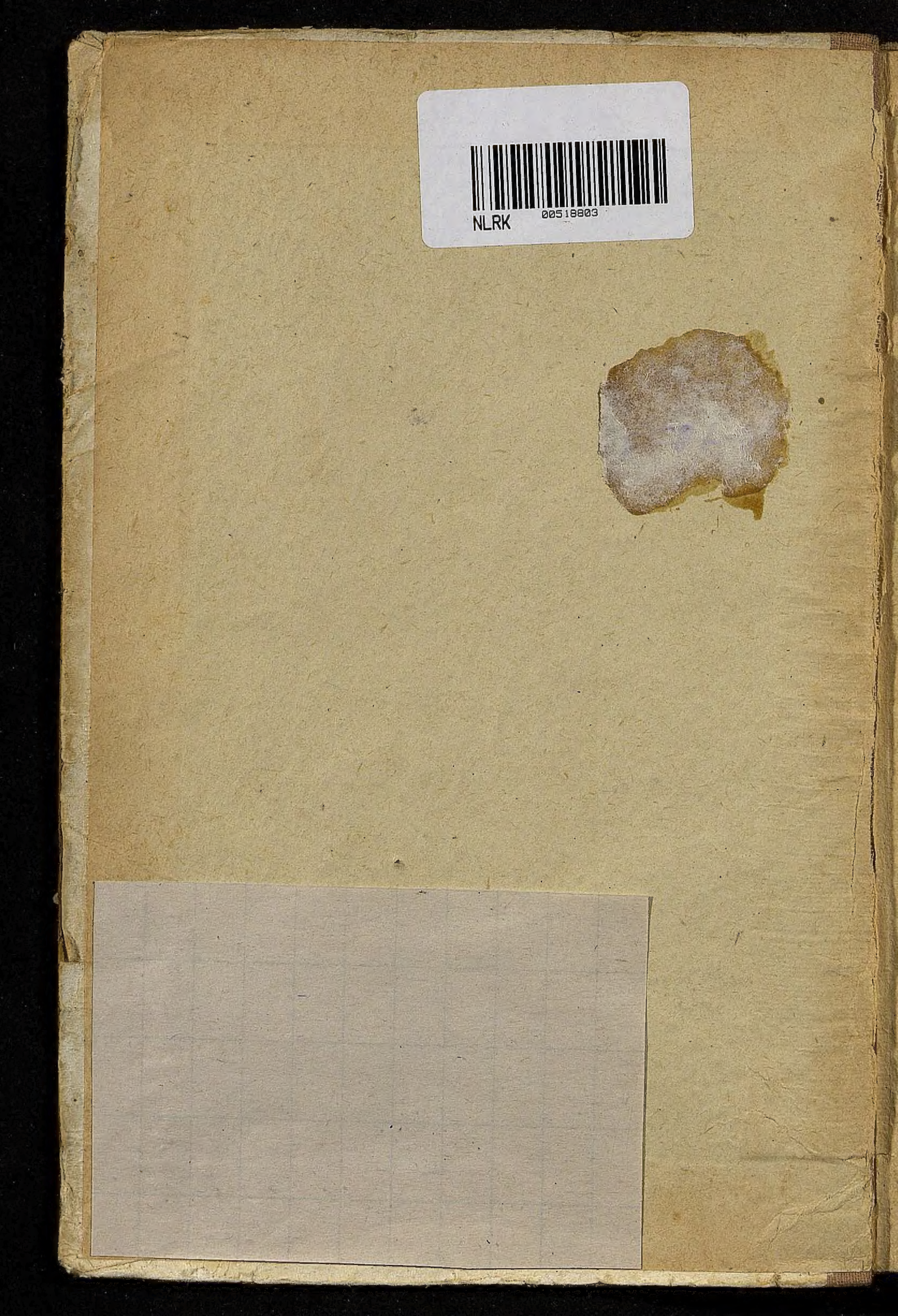
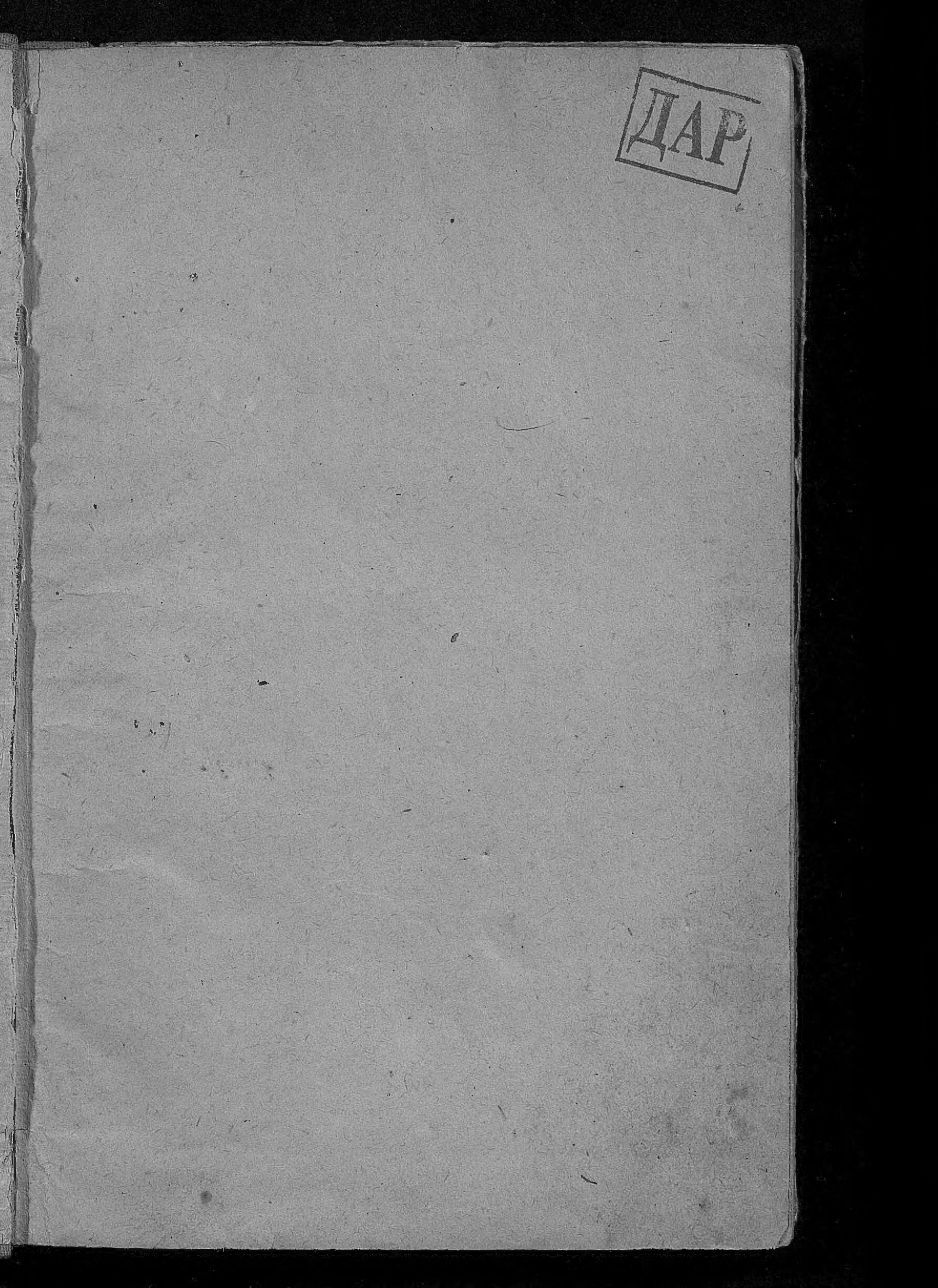
ИРИНА ФЕДОСОВА

ПРИЧИТАНИЯ

КАРГОСИЗДАТ
1938.


NLRK 00518803



ИРИНА ФЕДОСОВА

ПРИЧИТАНИЯ

(ИЗБРАННЫЕ)

КАРГОСИЗДАТ
ПЕТРОЗАВОДСК 1937

НАРОДНАЯ ПОЭТЕССА ИРИНА АНДРЕЕВНА ФЕДОСОВА

ИРИНА ФЕДОСОВА

В народной поэзии, как и в книжной литературе, есть несправедливо забытые имена. Они известны только узкому кругу специалистов, потому что их произведения давным-давно стали библиографической редкостью и доступны лишь очень немногим. Такова судьба и народной поэтессы Ирины Андреевны Федосовой. О ней говорят в университетских аудиториях, ее изучают — она признанный классик русской народной поэзии, но в читательской среде ее почти совсем не знают.

Карелия в течение последнего столетия выделила многих замечательно талантливых художников народно-поэтического творчества. Имена Архипа Пертунен, его сына и внуков вошли в международную литературу и стали в один ряд с именами признанных писателей и поэтов. Такой же мировой известностью пользуется род сказителей Рябининых. Знаменитый карельский эпос „Калевала“, лучшие тексты былин, известные „Причитания Северного Края“, записанные в XIX веке в Карелии, создали своеобразную эпоху в литературе и утвердили за Карелией мировую известность и первенство по количеству и по качеству памятников народного словесного искусства. В ряду этих первоклассных художников слова одно

из почетнейших мест принадлежит Олонецкой поэтессе Ирине Федосовой. Ее талант, вылившийся в своеобразную форму народной поэзии — похоронные и рекрутские причитания, — дает яркий пример художественной деятельности нашего народа. В живых полноценных образах песни-импровизации Ирины Федосовой рисуются нетускнеющие от времени картины общественной и семейной жизни дореволюционного крестьянства. Традиционные плачи по покойникам она сумела превратить в высокохудожественную поэму о крестьянской жизни. Тоска вдовы по муже, тяжелая сиротская доля—весь комплекс личных переживаний, тесно связанный с окружающей действительностью, находит образное воплощение в ее песнях, поднимая их на уровень лучших произведений народно-поэтического творчества.

Рядом с похоронными стоит другой цикл песен Федосовой,—песни повествующие о той поре, когда военная служба продолжалась двадцать пять лет, когда принятый в солдаты редко возвращался на родину. Поэтому проводы рекрута немногим отличались от похорон. Плачем и причитаниями осиротевшая семья, родные и друзья провожали живого „покойника". С исключительным мастерством и тактом большого художника Федосова перевоплощается то в одно, то в другое действующее лицо трагического расставания и воспроизводит полную страданий и унижений жизнь солдата в царской армии:

И в злодийной этой службе государевой
И не начаешься—ты горя накачаешься,
И не надиешься—обидушки навидишься;
И невзначай да получать будешь поўшенья,
И ты не знашь за что побои превеликие.
Уже ой да горе служба государева,
И как еденьице вам буде ведь скотинное,
И точно, питьице победным лошадиное:
Уеданьице—вам будут ведь сухарики
И вам питемьице—то водушка со ржавушкой;
И хоть не великую вину да вы провйнитесь,
И нету милости, бессчастным, нет прощеньица;
И под бока станут солдатскии подтыкивать

И подобьют да ваши ясны эти очушки
И победную несчастную головушку,
И дают розги во бессчастны ваши плечушки,
И уже бьют да так бессчастну вашу спинушку
И страшно-ужасно ведь палками великими,
И вам не сто дают ведь разом целу тысячу;
И тело с мясом у бессчастныих смешается,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается.
. . . .
И буди проклята на сем да на белом свете —
Уж как это зло великое несчастьице,
Все злодийное проклято бесталаньице —
Уж как эта грозна служба государева!

В своем творчестве Ирина Федосова не знала тематических преград, свойственных многим рядовым исполнителям фольклора. Богато поэтически одаренная, она откликалась на все явления окружающей жизни. Она смело импровизировала, создавая тут же на месте, новые произведения применительно к тому или иному случаю. Таким образом Федосова создает замечательный плач-причитание о крестьянине, убитом молнией. Или вот как, например, дает описание приезда в деревню чиновника—мирового посредника:

Как наедет мировой когда посредничек,
Он затопает ногами о дубовой пол,
Он захлопает руками о кленовой стол,
Быдто зверь да во темно́м лесу порыкивает.
Как у этых мировых да у посредников
Нету душеньки у них да во белых грудях.
Нету совести у них да во ясных очах.

Крестьяне, собранные по случаю приезда начальства на сход:

При кручинушке идут да при великоей,
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают.

А он перед крестьянами:

В темном лесе быдто бор да разгорается,
Во все стороны быв пламень как кидается.
Быдто Свирь река, посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое.

Богатство языка, обилие сравнений, эпитетов и смелые образы придают причитаниям Федосовой огромную силу эмоционального воздействия. Недаром А.М. Горький так высоко ценил исключительную талантливость Олонецкой вопленницы. В 1896 году в Нижнем-Новгороде в одном из концертных зал Всероссийской выставки Горькому удалось слышать причитания и песни Федосовой, и он восторженно рассказывает об этом выступлении в одном из фельетонов, озаглавленном „Вопленница".

Он пишет: *)

„Где-то сбоку открывается дверь и с эстрады публике в пояс кланяется старушка низенького роста, кривобокая, вся седая, повязанная белым ситцевым платком, в красной ситцевой кофте, в коричневой юбке, на ногах тяжелые, грубые башмаки. Лицо—все в морщинах, коричневое... Но глаза — удивительные. Серые, ясные, живые,—они так и блещут умом, усмешкой и тем еще, чего не встретишь в глазах дюжинных людей и чего не определишь словом ...

— Вы послушайте-тко, люди добрые,
Да былину мою — правду-истину.

Раздается задушевный речитатив, полный глубокого сознания этой правды-истины и необходимости поведать ее людям. Голос у Федосовой еще очень ясный, но у нее нет зубов, и она шепелявит. Все смотрят на маленькую старушку, а она, утопая в креслах, наклонилась вперед к публике и, блестя глазами, седая, старчески-красивая и благородная, и еще более облагороженная вдохновением, то повышает, то понижает голос и плавно жестикулирует сухими, коричневыми маленькими руками.

— Уж ты гой еси, родна матушка.—
Тоскливо молвит Добрыня:
Надоело мне пить да бражничать.
Отпусти меня во чисто поле,
Попытать мою силу крепкую
Да поискать себе доли-счастия.

---

*) Н. Пиксанов „Горький и фольклор", Л., Гослитиздат, 1935

По зале носится веяние древности. Растет голос старухи и понижается, а на подвижном лице, в серых ясных глазах—то тоска Добрыни, то мольба его матери, не желающей отпустить сына во чисто поле... Публика разражается громом аплодисментов в честь полумертвого человека, воскрешающего последней своей энергией нашу умершую старую поэзию.

. . . .

Откашлявшись, Федосова откидывается вглубь кресла и, полузакрыв глаза, высоко поднимает голову.

Лю-убимый ты мой му-уженька-а-а...

Сила страшной, рвущей сердце тоски в этом вопле. Нота за нотой выливаются из груди поэтессы. В зале тихо... Смерть, кладбище, тоска... Потом вопила девушка, выдаваемая замуж. Федосова вдохновляется, увлекается воей песенью, вся поглощена ею, вздрагивает, подчеркивает слова жестами, мимикой. Публика молчит, все более поддаваясь оригинальности этих, за душу берущих, воплей охваченная заунывными, полными горьких слез мелодиями. А вопли—вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле,—все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций—да!—но полных чувства, искренности, силы и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания...

Федосова была пропитана русским стоном, около семидесяти лет она жила им, выпевая в своих импровизациях чужое горе и выпевая свое горе жизни в старых русских песнях. Когда она запела: „Собирайтесь-ка, ребятушки, на зеленый луг“, по зале раздался страшный звук—точно на кого-то тяжесть упала и страшно подавила его. Это вздохнул человек—ярославский купец Канин...

Русская песня—русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти тридцать

тысяч стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей.

Она кончила петь. Публика подошла к эстраде и окружила поэтессу, аплодируя ей, горячо, громко аплодируя. Поняли! Хороший это был момент. Импровизаторша—веселая и живая—блестит своими юными глазами и сыплет в толпу прибаутки, поговорки; толпа кричит ей в перебой:

— Хорошо, бабушка Ирина! Спасибо, милая!..»

Спустя много лет Горький снова вспоминает Федосову в одном из последних своих произведений. В „Жизни Клима Самгина", он исключительно горячо, ярко и красочно описывает ее выступление:

„На эстраду мелкими шагами, покачиваясь, вышла кривобокая старушка, одетая в темный ситец, повязанная пестреньким, заношенным платком, смешная ведьма, слепленная из морщин и складок, с тряпичным круглым лицом и улыбчивыми детскими глазами...

С эстрады полился необыкновенно певучий голос, зазвучали веские, старинные слова. Голос был бабий, но нельзя было подумать, что стихи читает старуха. Помимо добротной красоты слов было в этом голосе что-то нечеловечески ласковое и мудрое. Магическая сила, заставившая Самгина оцепенеть с часами в руке. Ему очень хотелось оглянуться, посмотреть с какими лицами слушают люди кривобокую старушку? Но он не мог оторвать взгляда своего от игры морщин на измятом, добром лице, от изумительного блеска детских глаз, которые, красноречиво договаривая каждую строчку стихов, придавали древним словам живой блеск и обаятельный, мягкий звон.

Однообразно помахивая ватной ручкой, похожая на уродливую сшитую из тряпок куклу, старая женщина из Олонецкого края сказывала о том, как мать богатыря Добрыни прощалась с ним, отправляя его в поле на богатырские подвиги. Самгин видел эту дородную мать, слышал ее твердые слова, за которыми все-таки слышны были и страх и печаль, видел широкоплечего Добрыню: стоит на коленях и держит

меч на вытянутых руках, глядя покорными глазами в лицо матери...

Федосова начала сказывать о ссоре рязанского мужика Ильи Муромца с киевским князем Владимиром. Самгин, снова очарованный, смотрел на колдовское, всеми морщинами говорящее лицо, ласкаемый мягким блеском неугасимых глаз. Умом он понимал, что ведь матерый богатырь из села Карачарова, будучи прогневан избалованным князем, не так, не этим голосом говорил и, конечно, в зорких степных глазах его не могло быть такой острой иронической усмешки... Но ... Самгин вдруг и уже не умом, а всем существом своим согласился, что вот эта плохо сшитая ситцевая кукла и есть самая подлинная история правды добра и правды зла, которая и должна и умеет говорить о прошлом так, как сказывает Олонецкая кривобокая старуха, одинаково любовно и мудро о гневе и о нежности, о неутолимых печалях матери и богатырских мечтах детей, обо всем, что есть жизнь".

Так великий русский писатель характеризовал замечательного художника народно-поэтического творчества. Блестящие зарисовки Горького являются прекрасным литературным портретом Федосовой и дают нам яркое представление о силе ее таланта и о том большом неиссякаемом источнике художественных ценностей, которые во все времена создавал и создает наш талантливый народ.

В наш сборник включена лишь небольшая часть поэтического наследия Ирины Федосовой. Назначение книги—познакомить широкий круг советских читателей по избранным образцам с творчеством знаменитой Олонецкой вопленницы.

Причитания Ирины Федосовой были записаны в Петрозаводске Е. В. Барсовым в течение 1867 года. Впоследствии Барсов опубликовал свои записи, составившие две части (одна часть вышла в 1872 г.; вторая—в 1882 г.).

В качестве биографического материала ниже приводится рассказ самой исполнительницы о своей жизни.

А. Нечаев.

РАССКАЗ ИРИНЫ ФЕДОСОВОЙ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

«Родители мои, Андрей Ефимович да Елена Петровна, были прожиточные и степенные; мать — бойкая: на 22 души пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула; отец рьяной—буде прокричал, а сердцов не было; был еще брат, да две сестры, а в них толку мало; я ж была сýрова; по крестьянству—куды какая: колотила, молотила, веяла и убирала; севца не наймуют, а класцá наймуют; 8-ми год знáла, нá каку полосу и сколько сиять; 6-ти год нá ухож лошадь гоняла и с ýхожа домой пригоняла; раз лошадь сплеснулась; я пала; с тех пор до теперь хрома. Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна: где что слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила; на прядиму беседу отец не спущал, а раз в неделю, молча, уходила; приду—место сделают у свитца, шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчиной; грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди знать и к себе приглашать—свадьбы играть и мертвым честь отдавать.

С малолетства любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж, а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: „Кроме Иришки некому“. На беседах дала себя знать; бывало там свадьбой играли и я занарок причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смеет. Писарь волостной был сродник невесте; пристал ко мне и говорит:

—Согласись, мы уговорим отца,—не выдаем тебя в брань, да в ругательство.

Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло. Стали звать на другую свадьбу. Отец и говорит:

—Не для чего ее приглашать: ведь не знает она ничего.

—Как не знает? По зиме у суседки причитала.

Отец возгорчился:

Кто, скаже, позволил?

—Писарь Петр Кондратьевич, — отвечала мать, — да голова Алексей Андреевич.

—Ну, когда эдакие лица просят, так—пусть; для меня как хочет; дело ейное.

Замуж вышла 19-ти лет; женихи все боялись, что не пойду, да и я того не думала и в уме не держала, чтобы замуж итти: сама казну наживу да голову свою кормлю. Перво—сватали за холостого, парня молодого; родители не отдали. После многие позывали, да сама не хотела—будь хоть позолоченой не пойду. Тут люди стали дивоваться, а я замуж собираться; пал на сердце мне молодой вдовец: знать судьбина пришла. Дело было так: приехал сусед с дочерью в гости; у нас в деревне была „беседа игримая“; старик-гость сидит да толкует с отцом; а я говорю отцу:

—Спусти на беседу.

— Куды?—говорит,—можно и дома; греха-то тут на душу.

Гость упрашивает, чтобы отпустил: она, скаже, такая разумная да к людям подходительная—отпустить можно.

—Не спущу, — отвечал отец, — лучше не говорите.

Замолчала я, села прясть и в уме взяла: „не поеду за сеном, не пошлешь ни за что“.

Смотрел, смотрел отец:

—Что, скаже, грубá сидишь? Ступай на беседу, коли охота такая привязалась.

Я просто-запросто, в сарафане костыч, в фартучке, прялицу в руки—и на беседу. Место сделали; приехавшая гостья и подзывает:

—Сядь ка ты подле меня, есть поговорить. Девко, думаешь ли замуж?

—Нет жениха,—говорю я.

—Жених есть, да не смеет звать—не пойдешь.

—Для чего;—отвечаю я,—завету нету; прилюбится и ум отступится; судьба есть, так пойду. Какой такой?

—Удовец—уже ли не запомнишь? Петр Трифонович.

—Какой такой пестрый воскрес; какое у него семейство?

—Сын да дочка; сын женатой, да у сына двое детей.

—Фатеру знаю, а жениха не знаю.

—Девко, можно итти; участочек хорошой, а ты бойкая; сам он год шестидесяти.

—Ну, это дело терпящее, ночью с ангелом подумаю, а утром скажу; отцу не докладайте.

С беседы пришла до первых петухов; не ем, не пью; мать заметила:

—Что ты, скаже, сдияла; сурóва ты; что ты, голубонько, кручинишься?

Легла спать; не спится, а думается, в девушках сидеть, али замуж итти.

—Ну-ко, беседница,—утром рано подымал отец,—на ригач ставай—молотить.

Встала, дело делаю, а сама—не своя. Поведала думу невестке, хозяйке братовой.

—Баба,—скажу,—замуж зовут.

—Ну что,—говорит,—ведь ты не пойдешь.

—Нет,—отвечаю,—можно. Как сваты приедут, Ермиловна, ты скажи им, где я; так я посмотрю жениха.

С овина отпорядничалась, случились повозники в Толвую—на Горки. Я подавалась родителям; спустили, и я в гости съехала; отсюда на свадьбу позвали

в Заозеро к Мустовым. Женихи приехали к отцу, их повестили, куды я отправилась; приехали они на Горки, где я в гостях, и здесь не застали, вслед за мной— в Заозеро. Сижу я там и пою со слезамы, обидуюсь; как слышу, вдруг в горнице самовары готовят, большухи уху варят; к крыльцу три мужика на двух лошадях подъехали, гляжу, один знакомой, другого не узнала даже; в умах нету, что женихи наехали. Богу помолились, по фатеры похаживают. Один из них, Петр Андреевич, и говорит:

—В тебе нуждаются, ты далеко заехала, мы за делом были у вас—сватать; ну, как слышно, есть в Кузаранде свадебка? Ведь дело заговельное.

—Бог ли понесет, с воли да в подневолье,—ответила я.

—Нет уж, как хошь, надо итти, мы такую даль ехали.

—А где же жених?—спросила я.

—А вот он, по фатеры похаживает,—сказал Петр Андреевич.

—Я неволи не лисица; не объем, не общарапаю; пусть сам заговорит, не семнадцать лет.

Жених сел подле меня и говорит:

—Идешь ли замуж?

—Не знаю,—итти ли.

—Иди,—говорит,—не обижу.

Стал подбивать и подговаривать.

—Век так ласкает ваш брат.

Со свадьбы отправилась я в Толвую, где в гостях; скоренько разделась, поужинала. Приехал и жених. Сижу я за прялкой; он подсел и говорит:

—Умеешь бойко прясть.

—Еще бы,—говорю,—не в ли́сях роди́лась, не пням богу молилась. Ну, что ты,—говорю,—берешь меня; я человек молодой,—ты матёрой; мне поважено по свадьбам ходить да игры водить; вы люди—матёры, варить не будете; какое будет житье: биси в лисе насмеются; да и мне не охота выходить; выйдешь, за́мужье—не хомут, не спехнешь; не́ мило, да взглядывай, не люба́ свекровка—звать ю матушкой; ху́до мое мужишко—веди его чином.

Жених на это заметил:

—Не крепка жена умом, не закрепишь тыном.

—Ну, когда так,—порешила я,—пойду; что будет, хоть худо, хоть хорошо, а ты помни: дом вести—не бородой трясти, жену детей кормить—не розиней ходить. Теперь поезжайте на родину скорее, а то, смотрите, мужики за бревнами уедут; дело затянется, долго ждать.

Они отправились, а мы легли спать; не спится мне: к худу ли, али к добру тянет; сон на глаза нейдет. На улице стало на́ свет похоже. Сестра печку затопила; гляжу—брат приехал за мной. Я сплю не сплю; сестрия будит:

—Ставай, брат приехал.

Стала, поздоровалась:

—Тебя,—говорит,—сватают.

—За кого?—спрашиваю, будто сейчас и слышу, не знаю жениха.

—Не пойду,—говорю,—здесь останусь; бог с ним, кто такой там приехал.

—Поедем,—говорит,—не велено оставить.

Оделась, поехала. Дома народу много, женихи в большом углу; я глаза перекрестила, поклонилась—была ветреная мельница; там отец с нима займуется, а я и не гляжу на женихов. В печке все стопелось, я ко́лобы расклепала; гляди, жених,—я знаю шить и кроить и коровушек доить и порядню водить; тут наладила пойво,—и в умах нету, что в избе женихи, порядничаю. Они позвали родителя в сени:

—Пойдем,—дескать, есть поговорить.

Сошли, поговорили. Отец с матушкой меня—в особый покой.

—Что дочь,—говорят,—женихов приказала? Идешь ли замуж?

—Как хотите,—отвечала я,—на воле вашей; вы кормили-поили, дочь я ваша и воля ваша.

Отец порозмыслил и объявил женихам:

—На́ хлеб, на соль—милости просим, а по это дело не пошто.

Народу в избе множество—деревнище большое; сродники стали подговаривать, тут и я говорю:

—Что ж, родители, куды вода полилась, туды и лейся; пойду, что господь даст; худо ли, хорошо ли будет, ни на кого не посудачу.

Мать завыла и говорит:

—Что ты, дитятко, что ты оставляешь, покидаешь нас, на тебя вся надежда.

—На меня,—отвечаю,—надия какая? От девок не велики города стоят; остается у вас сын, еще дочь, невестка; мы девушки—зяблые семена—ненадежные детушки.

Родитель-отец взял свещу затопил, по рукам ударили, я заплакала, пошло угощенье: зазвала я девушек; в гости поехали—со звоном, с колокольчиками, а там—песни, игры, танцы. Матушка ужасно жалела, суседи срекались, что ходила по свадьбам, да находила: двадцатилетняя девушка идет за шестидесятилетнего старика; не стане жить любить старичонка. Удовщище ведь он, да посиделище.

13 лет жила я за ним, и хорошо было жить: он меня любил, да и я его уважала; моего слова не изменил, была воля итти, куды хочешь. Помер он в самое рожество. Все жалел меня, покойная головушка:

—Не пожить тебе так, выйдешь замуж,—говорил он,—набьешься ты, нашатаешься.

Вдовой жила от рожества до филиппова заговенья. Была копейченка моя и его—в одно место клали... Сначала жила и в умах не было закон переступать. Тут стали сватать за Якова Ивановича с Кузаранды.

—Пойду ли?—говорила,—что вы? Жених ли Федосов?

Пришел его брат сватать, отперлась. Затым—старушка дядина ко мне по вечеру, стали беседовать:

—Поди,—говорит,—за Якова;

Подумала, подумала и согласилась.

В тот же вечер жених с братом ко мне: кофеем напоила, посоветовала, слово дала; на другой день я встаю с постели—а он с зятем уж тут. На стол закуску, водку, самовар поставила, по рукам ударила, жениху подарила рубашку, зятю полотенце, животы

прибрала, а потом и к венцу; немного причитала; от венцу стретили родные, привели в горницу, отстоловали порядком. Дядина да деверь—бранить стали, всю зиму бранили, привидла всего; Яков мой такой не хлопотной, а они базыковаты, обижали меня всячески. По весне Яков отправился к Соловкам, а я все плакала да тосковала, все крестьянство у них вела; весной скотину пасти отпущали, и я сойду, бывало, сяду в лисе на деревинку или на камышек и начну плакать:

Не кокошица в сыром бору кокуе,
Это я бедна кручинная тоскую;
На катучем да сижу я синем камышке,
Проливаю горьки слезы во быстру реку...
Плачу, плачу, за тым и песню спою с горя:

Во тумани красно солнышко,
Оно во тумани;
Во печали красна девушка,
Во большой заботы.
Взвещевало мое сердце
Взвещевало зло-ретиво,
Мне-ка не сказало.
Сердце слышало велику над собой невзгоду,
Что в конец моя головушка,
Верно погибает...

. . . .

. . . .

ПРИЧИТАНИЯ
по
УМЕРШИМ

2—3155

I

ВДОВЬИ ПЛАЧИ

ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА

Укатилося красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лесушка оно да за дремучие,
За облачка оно да за ходячии,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня победную головушку
Со стадушком оно да со детиною;
Оставлят меня горюшу горегорькую
Навеки-то меня да вековечные!
Не́как ро́стить-то сиротных мне-ка детушек:
Будут по миру оны да ведь скитатися,
По подоконью оны да столыпатися;
Будет уличка—ходить да не широкая,
Путь дороженька вот им да не торнешенька;
Без своего родителя, без батюшка
Приизвиются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то до́бры про них людушки,
Что ведь вольные дети безуненные,
Не храбры-да сыновья растут безотнии,
Не красны да слывут дочери у матушки,
Глупо сделали си́ротны малы детушки,

Мы проглупали родительско желаньице,
Допустили эту скорую смерётушку,
Мы не заперли новых сеней решетчатых,
Не задвинули стекольчатых околенок.
У ворот да мы не ставили приворотцицьков,
У дубовыих дверей да сторожателей;
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крута-складнего зголовьица;
Не глядели про запас мы на родителя на батюшка,
Как душа да с белых гру́дей выходила,
Очи ясные с белы́м светом прощалися.
Подходила тут скорая смерётушка,
Она крадчи шла злодейка душегубица,
По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да все голодная;
Со чиста ли поля шла да ведь холодная;
У дубовыих дверей да не стучалася,
У окошечка ведь смерть да не давалася;
Потихошеньку она да подходила,
И черным вороном в окошко залетала.
Мы проглупали, сиротны малы детушки,
Опустили мы великое желаньице;
Кабы видели злодийную смерётушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовые,
Мы бы стлали скатерти да тонко-браные;
Положили бы ей вилки золоченые,
Положили б востры ножички булатные,
Нанесли бы всяких ествушек саха́рниих,
Наливали бы ей пи́тьица медвянова,
Мы садили бы тут скорую смерётушку
Как за этыи столы да за дубовые,
Как на этыи на стульица кленовые,
Отходящи бы ей низко поклонялися
И ласково бы тут ей говорили:
„Ай же, ведь, скорая смерётушка!
„От господа распятого, знать, создана,
„От бладыки на сыру, знать, землю послана,
„За бурлацкима удалыма головушкам;
„Ты возми злодей—скорая смерётушка,

„Не жалею я гулярна, цветна платьица;
„Ты жемчужную возми мою подвесточку,
„С сундука подам платочки левантеровы,
„Со двора возми любимую скотинушку.
„Я со стойлы-то даю да коня доброго,
„Со гвоздя даю те уздицу тесмяную,
„Я седелышко даю тие черкасское,
„Золотой казны даю тие понадобью;
„Не бери столько надежноей головушки,
„Не сироть столько сиротных малых детушек,
„Не слези меня, победноей головушки".
Отвечала злодей-скорая смерётушка:
„Я не ем, не пью в домах да ведь крестьян-
скиих,
„Мне не надобно любимоей скотинушки,
„Мне со стойлы-то не надо коня доброго;
„Мне не надо злотой казны бессчетноей,
„Не за тым я у бладыки света послана;
„Я беру, да злодей-скорая смерётушка,
„Я удалые бурлацкие головушки;
„Я не брезгую, ведь, смерть да душегубица
„Я не нищиим ведь есть да не прохожиим,
„Я не бедныим не брезгую убогиим".
Тут спроговорит вдова благочесливая:
„Видно нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвыи с погоста не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка,—безызвестная,
Не лесныи перелески-мутарсливые.
Глупо сделали сиротны малы детушки,
Не сходили мы во улички рядовые,
Не дошли да мы до лавочк і торговые,
Не купили лист бумаженьки гербовые,
Не взыскали писарев да хитро-мудрыих,
Не списали мы родителя-то батюшка
На портрет да его бело—это личушко;
На эту на гербовую бумаженьку,
Его желты бы завивные кудерышки,
Его ясно развеселое бы личушко,
Прелестны бы учтивые словечушки,
Велико бы родительско желаньице.
Как подрастать станут сиротны малы детушки,

По сеням да станут детушки похаживать,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
На широкую на уличку посматривать;
Приходить стане разливня красна веснушка,
Повы́тают снежечки со чиста́ поля́,
Повынесе ледочки со синя́ моря́;
Как вода со льдом ведь есть да поразо́йдется,
Быстры реченьки с гор да поразо́льются,
Протекут да ведь мелки малы реченьки
Во это в океан—да сине морюшко;
Как пойдут наши суседи спорядовые
На трудну, на крестьянскую работушку;
Будут пахари на чистыих на полюшках,
Севчи да на распашистых полосушках,
Малы детушки на мать станут поглядывать,
Сироту да меня вдовушку выспрашивать:
„Ты послушай, сирота же, вдова матушка!
„Уже где да есть родитель-то наш батюшка?"
Тут я б выняла гербовый лист-бумаженьку,
Показала бы сердечным малым детушкам.
Еще скажут то сиротны малы детушки:
„Кто же по́йде на распашисты полосушки?
„Как у нас да ведь, родитель наша матушка,
„Нету пахаря на чистыих полосушках,
„Сенокосца на луговых нету поженках,
„Рыболовушка на синем нет Онегушке".
Тут я спа́хнуся кручинна вся головушка,
За свою да за надежную сдержавушку;
Ушибать стане великая тоскичушка,
Унывать стане ретливое сердечушко,
Да как ростить-то сиротных малых детушек".

ПОХОРОНЫ

Что стою, бедна горюшица, задумалась,
Чужих басенок, победнушка, ослухалась,
Дивовать да ведь будут мне-ка людушки,
Знать, на радости стою да на весельице,
Снаряжаю я законную сдержавушку
Как во жирную, бурлацку во работушку:
Не в бурлакушки спущаю того вольные
Не по эту золоту казну довольную;
Накрывают эту бедную головушку
Уже этоей доской да белодубовой,
Опускают-то во матушку сыру землю,
Во погреба его да во глубокие.
Ой, тошным да мне победушке тошнешенько.
Нонь я дольщица Никольской славной улицы,
Половинщица Варварской славной Буявы *)
Нонь я дольщица великоей кручинушки,
Половинщица злодийной я обидушки;
Мне куды с горя горюше подеватися?
Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уже тут моей обидушке не ме́стечко,
Как посохнут все кудрявы деревиночки;
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже тут моей обидушки не местечко,
Задернят да все роспашисты полосушки;
Мне спустить ли обиду во быстру реку?
Загрузить ли мне обиду во озерышке?
Уже тут моей обидушке не ме́стечко,
Заболотеет вода да в быстрой реченьке,
Заволочится травой мало озерышко;
Мне куды с горя горюше подеватися,
Мне куды бедной с обидой укрыватися?
Во сыру землю горюше наб вкопатися;
Сиротать будут сиротны малы детушки;
Будут детушки на улочке дурливые,
Во избе-то сироты да хлопотливые,
За столом-то будут детушки едучие;

*) Кладбища

Станут по избе ведь дядюшки похаживать
И не весело на детушек поглядывать,
Оны грубо-то на них да поговаривать:
„Ох уж вольные вы дети самовольные“.
Станут детушек победнушек подергивать,
В буйну голову сирот да поколачивать,
У меня ж тут у бедной у головушки,
У мня совьется тоска неугасимая;
Я взмолюсь да тут ко матушке сырой земле:
Ты прими да меня матушка сыра земля,
Схорони меня с сиротным малым детушкам.

ОБРАЩЕНИЕ К СОСЕДЯМ

Поклоню да свою буйную головушку,
Покорю свое печальное сердечушко
Я со этой вышины да до сырой земли,
Своим милым спорядовым суседушкам;
Не откиньте-тко вдову вы бесприютную,
Со обиднымa, сиротныма детушкам;
Да вы грубым словечком не обидьте-ткось,
Да вы больным ударом не ударьте-ткось,
Как пойдут мои сиротные к вам детушки,
По вашему крыльцу да по переному,
Не заприте-тко новых сеней решотчатых,
Допустите в тепловито свое гнездышко,
Ко дверям да вы на дверную на лавочку,
Да вы милостину им тут сотворите-тко
Сиротам моим бессчастным—малым детушкам,
Вы на добрые дела их научите-ткось,
Когда преж сего, до этой поры времечка,
Была в живности любимая семеюшка,
Маломощному суседу не корилася,
Была гордая ведь я да непоклонная,
Я с суседями была да несговорная;
Не нечаяла я горя, не надиялась,

Что разлукушки с законной со державушкой,
Что останусь, сирота вдова бессчастная,
Я со этой станицей неудольноей,
Со малыма сердечныма детушкам.
Как жила я с надежноей головушкой,
Была счастлива ведь я да все таланная;
Вдруг, знать, счастье то суседы обзавидали,
Добры людушки меня да приоббаяли,
Черны вороны талан, знать, приограяли,
Видно, участь ту собаки приоблаяли.
Как по моему великому несчастьицу,
Тут проклятая злодийка бесталанница,
Впереди меня злодийка уродилася,
Впереди меня в купели окрестилася.
Как жила я у желанныих родителей
Во своем да я прекрасном девичестве,
Изнавешана была я цветным платьицем,
Изнасажена была я скатным жемчугом:
Мои милые, желанные родители
Тут повыбрали судимую сторонушку,
Мне по разуму блада сына отецьского;
Отпущали на судиму как сторонушку,
Отдавали за блада сына отецьского
Знать, не участью-таланом награждали,
Знать, великиим бессчастьем наделяли;
Уж какое-то зло великое бессчастьицо
Впереди меня злодейно снаряжалося,
На судимую сторонушку справлялося,
Во большом углу бессчастьицо садилося,
Впереди да шло бессчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном;
Впереди оно бессчастье не укатится,
Позади оно злодийно не останется;
Посторонь оно злодийно не отшатится;
Кругом около бессчастье обстолпилося,
Всем беремечком злодийно ухватилося,
За могучие оно да мои плечушки.
Не спешите-ткось, спорядные суседушки,
Вы нести мою надежную семеюшку,
Со этого хоромного строеньица,
Ты прощайся-ко, надежная головушка,

С этым добрым хоромным строеньицом,
Со малыма сердечныма детушкам;
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитой,
Ты со этыма спорядныма суседушкам.
Вы простите, спорядовы все суседушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку,
Во всех тяжкиих его да прегрешеньицах,
Со светным его да все живленъицом,
Вы не спомните, спорядныи суседушки,
Уж вы злом его не спомните-тко лихостью.

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Приукрылся нонь надежная головушка,
Во матушку ведь он да во сыру землю,
В погреба ведь он да во глубокии.
Призарыли там надежу с гор желтым песком,
Накатили тут катучи, белы камешки.
Прозабыла я кручинная головушка
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждать в гости любимое гостибище?
Во полночь ли ждать по светлому по месяцу
Али в полдень ждать по красному по солнышку?
Аль по утрышку да ждать тебя ранешенько,
Аль по вечеру да ждать тебя поздешенько?
Не утай, скажи, надежна мне головушка;
Ухожу своих сердечных малых детушек,
Я на эту на спокойну малу ноченьку;
С горя сяду под косевчатым окошечком,
Со обиды под туманное околенко,
Сожидать буду надежну тя головушку;
Покажись-приди надежная головушка,
Хоть с подкустышка приди да серым заюшком,
Из-под камышка явись да горносталюшком;

Не убоюсь, бедная кручинная головушка,
Тебя стречу на крылечике переноем,
Отворю да я новы́ сени решотчаты;
Запущу да в дом крестьянску тобя жирушку;
Ты по-старому приди да по-досюльному—
Большаком ты в дом приди да настоятелем:
Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
По своим домам оны да не расходятся,
Единá стоит могилушка умершая.
У меня да у печальной бы головушки
Кабы было золотой казны по надобью;
Я бы нáняла ведь плотничков, работничков,
Я бы сделала кивоты бело-дýбовы,
Я на эту на могилушку умершую,
Чтобы белыим снежком не заносило бы,
Частым дождичком могилы не залило бы,
Мурава трава на ней тут выростала бы,
Всяки-разныи цветочки расцветали бы;
Я бы пóчасту туда стала учащивать,
Я бы пóдолгу ведь там стала усеживать.

ОБРАЩЕНИЕ К БРАТЬЯМ МУЖА

Вы послушайте-тко, братцы богоданные,
Не заприте-тко новых сеней решетчатых,
Не задвиньте-тко стекольчатых околенок,
Допустите до хоромного строеньица;
Вы возмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня горюшицу коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотцики,
Вы во летные меня да во работники;
Золотой казны вы мне да не платите-ко,
Только грубыим словечком не грубите-тко,
К дубову столу меня да припустите-ко;

Не обидьте вы печальную головушку,
Не прошу да я победна горепашица—
Со полосыньки у вас да я долиночки,
Не со поженки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньица,
И не паю со любимоей скотинушки.
Я о том прошу победная головушка:
Вы обуйте столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подобрите победную головушку.

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕТЯМ ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ МОГИЛЫ МУЖА

Стань-послушай, мое стадушко детиное,
Кругом на-окол желанной своей матушки!
Я в гостях была победная головушка
Во гостибище у вашего у батюшки;
Я челом била ему да низко кланялась,
Перепалась я победна в горючи́х слезах,
Зовучи́ да в дом—крестьянску его жирушку;
От тошна долит великая обидушка,
Порастрескалась бессчастная утробушка:
Он не сдиял со мной доброго здоровьица,
Не спрого́ворил единого словечушка,
Не спахнулся за сердечных своих детушек.
Не надия—на-родителя на батюшку!
Приубрался свет—надежная голувушка
К красну солнышку—на приберегушку,
К светлу-месяцу—на придрокушку!
Хоть обкладена могилушка сырой землей,
Заросла эта могила муравой травой;
Из живого мертвой станется,
Из мертва́ живой не сбудется.
Уж вы подьте-тко кокоши горегорькие,

Я прижму вас ко ретливому сердечушку,
Пороздию тут великую кручинушку;
Дал бы господи талану вам бы участи,
Не покинули б сиротной вашей матушки
Все при древней при глубокой меня старости,
Буде жизнь да долговека моя про́длится,
Душа грешная моя да проволочится.
Еще слушай, мое стадушко детиное!
Да как шла я путем ши́рокой дороженькой,
Все горючима слезами уливалася,
Злой великоей кручиной утиралася,
Я на стретушке людей не узнавала;
Приходить стала к крылечику переному,
На доспрос взяли суседи спорядовые:
„Да ты где была, вдова благочесливая?
„Что томны́м идешь, суседушка, томнешенька?
„Что заплаканы победны твои очушки?
„У породушки была, знать, именитой?
„Знать, за гостицу тебя не почитали?
„Знать, обидушки твоей да убоялись?"
Унимать стали победну уговаривать,
Мне про вас, да милых детушек, рассказывать:
Прискучали все сиротны твои детушки .
Сожидаючи родитель тебя матушку,
Выходили на крылечико переное,
Выбегали на прогульную на уличку,
Все глядели во раздолье—во чисто поле,
На широку путь-дорожку колесистую;
Все приплакались сердечны твои детушки.
„Уже где-то есть родитель наша матушка,
„Да куды она родитель подевалася".
Без ума ответ держала
Тут спорядным я суседушкам:
„Спасет бог вам, спорядовые суседушки,
„Что спахнулись за сердечных моих детушек,
„Сжаловались до обидноей головушки;
„Я у синего была славна Онегушка,
„Я у пристаней была да корабельныих,
„Я глядела все обидная головушка,
„Я во летную во теплую сторонушку;
„Веют ветрышки сегодня полегошеньку,

Корабли идут по морю потихошеньку,
Пекё солнышко теперь да жалобнешенько,
Все я думала победным своим разумом,
Как не едет ли любимая семеюшка
Корабельщичком на синем на Онегушке.
Уже тут у мня у бедной у головушки
Расходилася обида в ретливом сердце,
Разгорелася бессчастная утробушка;
Тут я грохнулась горюша о сыру землю,
Быв как дерево свалило от буйна́ ветра́".

ПЛАЧ НА МОГИЛЕ

Я вночесь да спала т мной этой ноченькой;
Прилетали перелётны малы птиченьки,
Малы птиченьки летели то незнамые,
Прилетал да этот мелкой соловеюшко,
Друга́ птиченька орел да говорючей;
Соловеюшко садился под окошечко,
Как орел да эта птичка на окошечко;
Соловей стал потихошеньку посвистывать;
Как орел да жалобненько выговаривать;
Они тоненьким носочком колотили,
Человечьим они гласом прогласили,
От кре́пка сна меня тут разбудили
И впотай мне-ка бедной говорили:
„Ай же, стань-ко, ты вдова, да пробудися,
„От кре́пка сна, бессчастна, прохватися.
„Ты спахнись да за надежную головушку,
„Ты справляйся во любимое гостибище;
„На сегодняшний господень божий де́нечек—
„Тебя ждет в гости любимое гостибище,
„Твоя милая надежная головушка;
„Там построено хоромное строеньице—
„Прорублены решетчаты окошечка,
„Врезаны стекольчаты околенка,
„Складены кирпичны теплы печеньки,

„Настланы полы да там дубовые,
„Перекладинки положены кленовые,
„Чтобы шла да, ты горюша, не качалася,
„Чтоб дубовая мостинка не сгибалася;
„Порасставлены там столики точеные,
„Поразостланы там скатерти все браные,
„И положены там кушанья сахарные
„И поставлены там питьица медвяные,
„Круг стола да ведь все стульице кленовое,
„У хором стоит крылечко с переходами;
„Сожидат тебя надежная головушка“.
От крепка сна горюша пробудилася,
Я за мелких этих птиченек хватилася,
Я вдовиным своим разумом сдивилась:
Что за чудушко то мне да причудилося?
Что за дивушко-то мне-ка предъявилося?
Мне во снях ли то горюше показалося?
На яву ли то горюше объявилося?
Тут скоренько я с кроваточки ставала,
Тут со радости слезами обливалась,
Со досадушки кручинной вытиралась,
Тут издула огонечки муравейные,
Затопляла я кирпичну свою печеньку,
Скоро стряпала стряпню я суетливую,
Скоро ладила обеды полуденныи,
Я справлялась во любимое гостибище.
Шла путем да как широкой дороженькой,
Все колоденки в обиды припинала,
Со кручины башмачонки притоптала;
Приходила тут к могилушке умершей,
Обманул-ка меня малой соловеюшко,
Облукавил ведь орел да говорючей;
Не поставлено хоромное строеньице,
Едины лежат катучи сини камешки.
Мне-ка сесть бедной горюше, пригорюниться,
Мне припасть да ко могиле, приголубиться,
Восקликать-да мне надежу—не докликаться.
Я просить буду победная головушка:
Вейте буйны, вейте ветры, столько, ветрушки,

Со домов да жолобов вы не снимайте-тко;
На синем море волны да не давайте-ткось,
Кораблей больших ведь вы не разбивайте-ткось,
Вы удалыих голов не потопляйте-тко;
Сколько вейте-тко, вы буйны ветероченьки,
На эту на могилу на умершую!
Раскатите-тко катучи белы камешки,
Разнесите-тко с могилушки желты пески,
Мать сыра земля теперь да расступилась бы,
Показалась бы колода белодубова;
Распахнитесь тонки белы саватиночки!
Покажитесь телеса мне-ка бездушные!
Вложи, господи, ведь душу во белы груди.
Ему зреньицо во ясные во очушки!
Ум-тот разум-от во буйную головушку,
Как речист язык в уста да во сахáрние,
Ему силушку во резвые во ноженьки,
Как могутушку в могучи его плечушки
Как маханьицо—во белы его ручушки!
Да ты стань-востань надежная головушка,
На свои да стань могучи резвы ноженьки;
Да ты сдей со мной доброе здоровьицо,
Воспроговори единое словечушко:
Ты спроси да у победной у головушки
Про мое да ты вдовиное живленьицо.
Не дай, господи, на сем да на белом свете,
Без тебя жить без надежной головушки,
Мне со этыма со братьям богоданныма;
Не по силушкам крестьянска мне работушка,
Все не трудницей у них я не работницей;
Как сегоднишним господним божьим денечком
Знать разгневалась надежная головушка:
Я не пóчасту к тебе да ведь ухаживаю,
Я не пóдолгу горюшица усиживаю,
Видно, долго я к тебе да собиралася?
Я у братьицев еще ýтрось подавалася,
У ветляныих нешуток домогалася,
Как гордливые ветляные нешутушки
Мне-ка с грубости горюшице сказали,
Не с веселья светы братцы отвечали:
„Недосуг итти в любимо во гостибище,

„Постановится крестьянская работушка".
Я того бедна вдова да не пытаютца,
Я с горючима слезами придвигалася,
Понизешеньку я братцам поклонялася,
Ненадолго поры времечка давалася,
На един столько господен божий де́нечек;
Светы братьица мои да сжалова́лися,
Оны ласково меня да приласкали;
Тут спустили во любимо во гостибище;
Хоть в гостях бедна горюша побывала,
Не убавила кручинушки—прибавила,
Как я шла да путем—широкой дороженькой;
Все я думала победным, буйным разумом,
Угощусь да у любимой у семеюшки;
Я подумаю-то крепкой с ним ведь думушки,
Порездию тут великую кручинушку;
На глаза ко мне, мой свет, да ты не явишься,
На сговоры мне победной не сдаваешься;
Видно, нет тебе там вольной этой волюшки;
Знать за тридевять за крепкима замками,
Сторожа стоят ведь там да все не старяют,
Как булатнии замки да все не ржавиют;
Видно век мне-ка горюше не видать буде,
Видно на́ слыхе победной не слыхать буде,
Про свою да про надежную головушку;
Мне пойти было кручинноей головушке,
Мне спросить еще победноей горюшице,
У своей-то у законной у сдержавушки:
„Где работушка победной работать мне-ка?
„Где век от горюше коротать буде?
„У твоих ли мне у братцов у родимых,
„Али вытти на родиму взад на родину?"
Пораздумаюсь победная головушка:
Мне не гостьицей на родинке гостить буде;
Я от бережка горюша откачнулася;
Я ко дру́гому победна не прика́чнулась.
Как посли тебя надежная головушка,
Я не знаю-то победна горепашица,
Кое день, кое темная е ноченька.

В ПРАЗДНИК, СПУСТЯ ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА

Мне пойти было кручинноей головушке,
Мне во эты мелко-рубленые клеточки,
Мне-ка взять было ключи да золоченыи,
Отомкнуть было ларцы да окованные,
Мне-ка вынять там желеточки шелковые,
Мне-ка взять да столько цветно его платьицо
На свои мне-ка на белы-эты рученьки,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мне прижать было к ретливому сердечушку;
Тут присесть было к стекольчату окошечку,
Во руках держать да цветно его платьицо,
Поглядить да на восточную сторонушку,
Мне ко этой божьей церкви посвященной,
Поглядить да на путь-широку дороженьку.
Тут нейдет ли то надежная головушка,
Не оденется ль во цветно он во платьицо,
Не пойдет ли ко бладычному ко праздничку,
Не возрадуется ль ретливое сердечушко
У меня да у победной у головушки.
Ты приди теперь, надежная головушка,
Единым теперь ведь я да единёшенька
На сегоднишний господний божий праздничек;
Я приму тебя за гостюшка любимого,
Угощу тебя желанную семеюшку.
Не могу дождать, кручинная головушка,
Кладу платьица на стопочки точеные,
Кругом около горющица похаживаю,
Я по цветному по платьицу подрациваю
Снаряжусь-пойду кручинная головушка
Ко этому бладычному ко праздничку,
Повзыскать пойду надежную семеюшку
Я во этыих толпах да молодецкийх;
Прибирать стану постылая головушка
Я по белому его да все по личушку,
Я по ясным его да ведь по очушкам.
Я по желтым, по завивныим кудерышкам,
Я по возрасту—надежу—да по волосу,

По походочке его да по щепливой,
По говорюшке его да по уцьливой.
Не могу прибрать кручинная головушка
Не изо ста я ведь да не из тысящи
Сопротив своей любимоей семеюшки.
Как пойтить мне ко бладычному ко праздничку,
Подивуют мне-ка добрыи ведь людушки,
Што забыла знать любимую семеюшку,
Все гулят да у бладычныих у праздничков
Во любимой во спорядноей покрутушке;
Знать, приманиват удалых добрых молодцов,
Знать, на радости она да на весельице:
Нонько годушки пошли да все бедовыи,
Как бессовесной народ пошел мудреной.
Пораздумаюсь победная головушка,
Отложу да я горюша божьи празднички;
Поминать стану любимую семеюшку;
Потоскую над косевчатым окошечком,
Я поплачу на брусовой лучше лавочке;
Знать судьба моя—горюшици несчастная,
Горька участь-то моя, знать, бесталанная;
Видно жить мне без надежной век семеюшки,
Знать, коротать мне горюше свою молодость,
Мне не дать спеси во бладу во головушку,
Суровьства да во ретливое сердечушко;
Мне в веселый час горюше—не смеятися,
Мне кручинной быть горюшице—не плакать;
Светов братцев не гневить надо,
Богоданныих сестриц да не сердить надо.
Я без ветрышка горюша нынь шатаюся,
На работушке, победна, призамаюся;
Надо силушка держать да мне звериная,
Потяги надо держать да лошадиныи;
Столько живуци без милоей семеюшки,
Я со этой со великой сокручинушки,
Я бы выстала на гору на высокую,
Со обиды пала в водушку глубоку бы;
Лучше матушка земля да расступилась бы,
Туды я бедна горюша приукрылась бы.
Тут не ржавело б ретливое сердечушко,
Тут не ныла бы бессчастная утробушка.

Получила я победная головушка
Не любимое словечико—вдовиное;
Как несчастноей вдовой да называют,
Быв холодноей водой да поливают.
Во победном жить сиротском да вдовичестве!
Как посли своей любимоей семеюшки
Уже шесть прошло учетных неделюшек
Мне-ка за шесть-то учетных кажет—годиков.
Притрудилась на крестянской я работушке
У мня силушка теперь да придержалася;
С горя рученьки мои да примахалися,
Во слезах да ясны оци примутилися,
Добры людушки того да надивились,
День и ночь хожу на трудной на работушке
Не в спокою тут ретливое сердечюшко,
Не во радостях кручинная головушка,
Я во этой во великой во досадушке;
Я приду да со крестьянской работушки,
Я по вечеру приду бедна поздёшенько,
Вся в собраньице любимая семеюшка.
Светушки да тут все братцы богоданыи
Со своима со любимыма семеюшкам,
Со сердечныма с рожоныма со детушкам;
Как во светлую собрались оны светлицу —
Во столовую во нову оны горенку;
Круг стола сидят оны да круг дубового,
Оны пьют сидят теперь да угощаются;
Уж как я бедна кручинная головушка
Опришенна от любимой от семеюшки,
Отряхнулась я от светлой новой светлицы,
Отрешилась самоваров я шумячиих;
Не за цаем-то ведь я да угощаюся—
Я горючима слезама обливаюся,
Я крестьянскоей работой забавляюся;
Закреплю свое ретливое сердечюшко,
Тут я ставлю им столы да все дубовыи,
Да я слажу им тут ужины вечерные,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с затульица, с за липинки поглядываю,
Из-за дверей да разговорушки держу;
Сговорю да светам братцам богоданыим:

Скоро ль йдите за стол да хлеба кушать?
Засвирипятся ветляны тут нешутушки
На меня да на кручинную головушку,—
Што торопишься за ужину вечернюю,
Знать, спешишься на спокойну, темну ноченьку;
Оны искоса ведь вси тут запоглядывают,
Со всей лихостью оны да разговор держат:
Не устали твои белые там рученьки;
Не работушку сегодня работала я,
За кудрявой деревиночкой стояла все,
На красное на солнышко поглядывала,
Скоро ль солнышко ко западу двигается,
Скоро ль красное за облако закатится.
Со работушки вдова да в дом пришатится,
Им не в честь моя крестьянская работушка;
Потихошеньку горюшица похаживаю,
Все по этому хорошему строеньицу,
Вся усадится любима тут семеюшка
Как за стол да хлеба кушать;
Круг стола стану горюшица похаживать,
Приносить да стану ествушка сахарнии,
Словно белочка на нешутушек поглядывать;
Один умной да мой братец богоданой,
Он спроговорит единое словечушко:
Ты вдова наша невестушка родимая,
Што похаживашь, сноха наша любимая,
Ты садись-ко ведь за стол да хлеба кушать,
Тоже дольщичка ведь ты да не подворница,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимоей скотинушки,
Половинщица хоромному строеньицу,
Ты садись, бедна, за стол да хлеба кушать.
Тут возрадуюсь победная головушка;
Благодарствую я братцу богоданому:
„Спасет бог да светушка братца любимого.
„На твоем да на великом на желаньице,
„На прелестных на ласковых словечушках“.
Тут за стол сяду горюшица смелёшенько,
Я поем да тут обидна веселёшенько,
Устелю да тут пуховы им перинушки,
Уберу я со стола да со дубового;

Тут я сяду под косевчато окошечко;
Успокоится любима вся семеюшка;
Быв великая вода тут разливается,
Под окном сижу—слезами обливаюся.
Тут не сном да коротаю темну ноченьку,
Я победным своим разумом смекаю все:
Как изутра буде по ранному заутрышку,
Разрядят ли на крестьянску на работушку,
В доброумьи ли ветляные нешутушки,
Со спокойной станут темной оны ноченьки?
Уж я бедна кручинная головушка,
Быв упалой, как загнаной серый заюшко,
По мостиночке с утра стану похаживать,
Я на светушков на братьицов поглядывать,
Стану спрашивать кручинная головушка:
„Мне куда пойти на крестьянску на работушку?
„На луга ли мне пойти ль да сенокосные?
„На поля ли мне пойти да хлебородные?“
Разрядят да светы-братцы богоданыи,
Как пойду бедна кручинная головушка
Я на трудну на крестьянскую работушку,
Проливаю тут я слезы на сыру землю;
Я правой ногой—горюци заступаю,
Штоб не видели суседи спорядовыи,
Што заплаканы ведь ясны мои очушки,
Што утерто мое бело—это личушко:
Не сказали бы тут братцам богоданыим,
Не шепнули бы ветляныим нешутушкам,
Все остудушки в семье не заводили бы,
Они в грех бедну вдову да не вводили бы;
Встричю стритятся суседи спорядовыи,
Я поклон воздам обидна понизешеньку;
Говорю бедна горюша веселёшенько:
Не подам виду во добрыи во людушки,
Што иду бедна горюша при обидушке;
Веселым иду горюша веселёшенька;
Не в укор да буде братцам богоданыим
От этых от спорядныих суседушок;
Я путем иду с суседмы взвеселяюся,
Светов братьицов ведь я да одобряю,
Злых нешутушок ведь я да восхваляю;

А што диется в ретливоем сердечюшке,
Кабы знали про то людушки да ведали:
Хоть иду бедна горюша веселёшенька,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смоля моя утроба раскипляется,
Без воды да резвы ножки подмывает.

ПРОСЬБА К УМЕРШЕМУ СОСЕДУ РАССКАЗАТЬ МУЖУ ПРО ЕЕ ЖИЗНЬ

Мне-ка сесть было печальноей головушке
Мне ко этому спорядному суседушку;
Да ты слушай, спорядовой мой суседушко,
Да как сойдешь ты на иное живленьице
На второе, на христово как пришествие
Не увидишь ли надежноей головушки?
То поросскажи, спорядовой мой суседушко,
Про мое да про несчастное живленьицо,
Про мое да сирот малых возрастаньицо;
Как во эвтых два учетных долгих годышка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньицо,
На слезах стоят стекольчаты околенки,
Скрозь хоромишки воронишки летают,
Скрозь тынишка воробьишечки падают;
Большака нету по дому—настоятеля,
Ко крестьянской нашей жирушке правителя;
Задернили все распашисты полосушки,
Лесом заросли луговы наши пожeнки.
Ты поросскажи, спорядной мой суседушко,
Скажи низкое-поклонно челобитьицо,
От меня скажи печальной от головушки,
От сиротного от малого от дитятка.
Глупо сделала, кручинная головушка,
Не писала скорописчатой я грамотки,
Я не клала-то по праву тие рученьку,

Ты бы снес ю на второе на пришествие;
Може, вольняя была бы тебе волюшка
От эвтого владыки от небесного,
Може, с ду-другом суседушки свидались бы,
Вы на стретушку бы шли да ведь сретался,
Ты бы отдал скорописчатую грамотку;
На словах скажи ж, спорядной мой суседушко
Ты про мóе про бессчастное живленьицо,
Про бобыльную, сиротску мою жирушку;
У меня да сироты—нонь бесприютной
Золотой казны на грех да не случилося;
Как по моему вдовиному несчастьицу
Были лавочки теперечко не отперты,
Нонь купцов да все во лавках не сгодилося,
Лист-бумаженьки в продаже не явилося,
Писарев да по домам-то не случилося;
Все по моему несчастному живленьицу
Как у этых писарев да хитромудрыих
Отчего у них чернильнички скатилися,
Как чернила по столу да проливалися,
Лебединые пера да притупилися;
Как бессчетная была бы золота казна,
Писаря-то бы меня да не боялися
Написали б скорописчатую грамотку; -
Не утай, скажи, спорядной мой суседушко
Моей милоей законноей сдержавушке:
Как посли своей надежноей головушки
Я по земским избáм да находилася,
У судебных-то мест да настоялася.

ПЛАЧ ПО СТАРОСТЕ

Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели, што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надёжную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленую!

Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городо́вой
О этых мировых да злых посредников.
Теперь все прошло у вас, миновалося!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как наедет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писа́ному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;
Во потай у недоростков он выве́дыват,
Уж нет ли где корыстного делишечка;
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек, как некрещоной.
Он затопае ногами о дубовой пол,
Он захлопае руками о кленовой стул,
Он в походню по покоям запохаживае,
Точно вехорь во чистом поле полетывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае.
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживае;
Говорит ему посредник таково слово:
„Што на ям да вы теперь не собираетесь?
„Неподсудны мировому, знать, посреднику?
„Непокорны вы властям да поставленым?
„Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!“
Как у этых мировых да у посредников
Нету душеньки у них да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у них да на белой груди;
Уж не бросить же участков деревенскиих,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки,
Все для этыих властей да страховитыих!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скоренько постучается,
Он у этых суседей спорядовых,
Штобы справились на ям да суровешенько.
„Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоит посредничек,

Горячится он теперь да такову беду;
Сами сходите, крестьяна, приузнаете.
Со каким да он приехал со известьицем;
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Аль цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?“
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да покланяются,
Позаочь его бранят да проклянают;
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгорается,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река, посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое;
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он сглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
„Вы даете все повольку мужикам-глупцам,
„Как бездельникам ведь вы да потакаете;
„Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
„Да вы подати казенные сполняйте-тко“.
Мужичоночки дробят да все поглядают:
Ужель морюшко сине да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовыим столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь, он да все о праведных,
Уже так на мужика стане срыгатися,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае.
Стане староста судью тут уговаривать:
„Не давай спéси во блáдую головушку,
„Суровства ты во ретливое сердечушко,
„Да ты чином-то своим не возвышайся-тко, —
„Едины да все у бога люди созданы:
„На крестьян ты с кулаками не наскакивай;
„Знай-сиди да ты за столиком дубовым,
„Удержи да свои белы эты рученьки,

„Не ломай-ко ты перстни свои злаченыи;
„Не честь-хвала тебе да молодецкая
„Наступать да на крестьян ведь православных!
„Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
„Хотя ж рьян да ты, посредничек, уходишься;
„Хоть спесив да ты, начальник, приусядешься,
„Окол ноци мужики да поисправятся,
„Наживут да золоту казну бессчетную".
Сговорит да тут посредник таково слово:
„Да вы счастливы, крестьяна деревенскии,
„Што ведь староста у вас да преразумной".
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
„Мироеды мировы эты посредники,
„Разорители крестьянам православным;
„В темном лесе быдто звери-то съедучии,
„В чистом поле быдто змеи-то клевучии,
„Как наедут ведь холодныи-голодныи,
„Оны рады мужичонка во котле варить,
„Оны рады ведь живого во землю вкопать,
„Оны так-то ведь над има изъезжаются,
„До подошвы оны всех да разоряют.
„Слава богу-то теперь да слава господу!
„Буря-падара теперь да уходилася,
„Сине морюшко теперь да приутихло;
„Нонь уехала судья неправосудная,
„Укатилася съедуба мироедна!
„Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
„Ноньку с радости теперь да со весельица;
„Настоялися ведь мы да надрожалися"...

. . . .

Тут мы думали с надежной головушкой,
Как пропитывать сердечных малых детушек:
Накопилася станичушка детиная.
Говорила я надежноей головушке:
Да ты съезди-ко на малой этой лодочке,
Хоть во город-то ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этых хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек.

Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дороженьке,
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые;
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле:
Точно черной быдто ворон приналетыват,
Мировой этот посредник так наезживал.
Деревенскии робята испугалися,
По своим домам оны да разбежалися;
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном лесу;
Я с работушки победна убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася,
Да куда ж мою надежу подевают?
Я спросила у спорядовых суседушек,
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Штобы я бедна горюша не спугалася.
На спокой да легли добры эты людушки,
Ужо я бедна в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надёжную головушку:
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил господних божии денечка,
На четыре он на летных эты ноченьки,
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердечны мои детушки.
Не могла стерпеть победная головушка,
Я глядеть да на детины горюци слезы;
Я склонилася в тяжелую постелюшку
Из-за этого злодея супостатого,
Што обидел нас победныих головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася. . .
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий-смерётушка стретала. . .

Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы не на́ воду падите-тко, не на́ землю,
Вы падите-тко горюци мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже, господи,
Штобы тлен пришел на цвѣтно его платьице,
Как безумьице во буйну бы головушку!
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!

II

ПЛАЧИ СЕСТРЫ

1

Уже стать на́ этой горе на дороженьки,
Мне-ка стать, бедной горюше, приодуматься,
Доспроситься у соседей, удоведаться:
„Вы скажите спорядовыи суседушки;
„Что диется на родимой моей родине,
„У моих да у пристарших у родителей;
„Все во добром ли они да во здоровьице,
„Во великом ли оны благополучьи,
„Есь ли в живности сердечно у них дитятко,
„Моя милая скачоная жемчужинка,
„Светушко братец-родимой?
Подходить стала к крылечику перёному,
Подломились у мня резвыи тут ноженьки,
Приуряхнулось ретливое сердечушко,
Я взглянула на хоромное строеньицо:
Приуныв стоит строеньицо пустылое;
Отдали стоит палата белокаменна,
Облиз стоит тюрьма да заключевная,

Заключевная тюрьма да подземельная;
Когда преж сего, да этой поры времечка,
Я ходила на родину свою родинку,
Ко желанным ли родителям,
Ко светушку ли братцу я родимому;
На крылечушке светик-братец стретает,
Он уж доброго коня да расседлает,
На конюшню он во стойлу убирает,
И бело-яровой пшены он насыпает;
А сегодняшным господним божьим де́нечком
Ко крылечку я приехала перёному,
Не стретает меня братец—красно солнышко;
Уж пройти мне во хоромное строеньицо
Мне крест да класть, горюше, по-писаному,
Мне поклон вести, победной, по-ученому,
Поклон первой—пресвятой да́ богородице,
Другой поклон—суседям спорядовым,
В собину́ поклон братцу—красну солнышку;
Воскликать да тут братца мне родимого,
Взвеличать да соколочка златокрылого,
Супротив сердца ретливого;
Може, я бедна горюша, поталаннее,
Може, братец до меня да пожеланнее:
„Уж ты стань-восстань, скачоная жемчужинка,
„Со этой со брусовой белой лавочки,
„Стань на резвы свои да ты на ноженьки,
„Отшиби от сердца белы свои рученьки,
„Уж ты здий со мной доброе здоровьице,
„Ты по-старому, мой светушко, по-прежнему;
„Когда преж сего до этой поры-времечка,
„Было вложено великое желаньице
„До моей бедной головушки;
„Встретал ты на крылечике перёном,
„Провожал меня во светлу нову горенку,
„Ты садил меня на стульице кленовое,
„Почитал меня за гостьицу любимую;
„Как сегодняшним господним, божьим де́нечком,
„Не встаешь ты со брусовой, белой лавочки,
„Не сшибаешь ты от сердца белы рученьки,
„Ты не здиешь со мной доброго здоровьица,
„Не спрого́воришь единого словечушка;

„Чем разгневала я светушка родимого?
„Что я по́часту к тебе, знать, не ходила,
„Что при трудной я постеле не смотрела?
„Не нача́лась, я победна́, не надиялась,
„Что разлу́чит господь с братцем со родимым;
„Можешь знать-да ведать, вольной белой светушко,
„Ты про мо́е про несчастное живленьице;
„Мне-ка не́ своя вольна столько волюшка;
„Как на этой судимой на сторонушке,
„Строги-грозны богоданные родители;
„Мне день прошел—у беднушки—даваючись,
„Другой день прошел да слова дожидаючись,
„Третий день прошел—на родину справляючись,
„Можешь знать да ведать, вольной белой светушко,
„Что ведь дальная судимая сторонушка,
„Удалила как родима моя родинка;
„Я за горамы ведь е да за толкучима.
„Я за темныма лесами за дремучима,
„Я за этыма быстрыми за реченькам,
„За кру́тыма, малыми озерышкам,
„За славным, синим за Онегушком,
„С того не по́часту на родинку учащивай;
„Студеной зимой живет-бездорожьице,
„Занесет путь широкую дороженьку,
„Снежочкама ее да ведь перистыми;
„Не заходят к нам добры людушки,
„Серый заюшко туды не проскакиват,
„Малая птица не залетыват,
„Извозчички к нам не заезживают,
„Перехожие калики не́ прохаживают,
„От вас грамотки к нам не принашивали;
„Как весной живет великое распутьице,
„Разольются круглы, малые озерышки,
„Из-за гор да про́йдут быстры эты реченьки;
„Мне нельзя бедной горюшице пронятися,
„На родимую сторонку передатися;
„У озер нет перегребных малых лодочек,
„Через реченьку дубовой нет мостиночки;
„Как розольется сине, славное Онегушко,
„Хоть во ту пору есть вольна мне-ка волюшка,
„Через морюшко мне нет тогда попутчиков,

„Чрез Онегушко нет легких перевозчиков;
„Приберу хоть я, победная, попутчиков.
„Чрез Онегушко уж я да перевозчиков;
„Тут поеду на родиму свою родинку,
„Хоть повыедем на синее Онегушко,
„Призавиют столько буйны эты ветрушки,
„Стане буря на море подниматися,
„Малогребна стане лодочка шататися.
„От ветра паруса да обрываются,
„Дубовые веселышки ломаются,
„Тут нас бросит в острова да незнакомые,
„Во эты берега да не в бывалые,
„Во пути пройде уречна вся неделюшка,
„С того пóдолгу, горюшица, справляюся;
„Нуньку выбрала досужу пору-времечко,
„Я слободную гостиную неделюшку,
„На свою да на родиму я на родинку;
„Меня родинка теперь да не сжидает,
„Светушко-братец меня да не сретает;
„Ой, скажи мне-ка, братец—красно солнышко,
„Не убойся многих добрых столько людушек:
„Ты куды, мой белый светушко, сряжаешься,
„Ты в котору путь-дорожку отправляешься,
„Ты во славной ли во город Петербурской,
„Аль в охотну во бурлацкую работушку,
„Аль к купцам да ты во лавочку приказчичком;
„Во чужую да ты сторону бросаешься,
„Что не по уму тебе да не по разуму?
„Про тебя было, сердечно мило дитятко,
„Кажись, ествушка по разуму составлена,
„Цветно платье по уму было покуплено,
„Во прягу была ступистая лошадушка,
„Тебе издить ко бладычным, божьим праздничкам,
„И дана была слободна пора-времячко—
„По тихиим смиренным по беседушкам;
„Тебя знали многи добры столько людушки,
„Приглашали во бурлаки во молóдые;
„Не гнушались тобой красные ведь девушки,
„Тебя брали во кружки да хоботистые[1]);

---

1) В хороводы.

„Не утай, скажи, желанно наше дитятко,
„Для чего же ты от нас да удаляешься,
„Покидаешь да ты родителей желанных,
„Середи грозы бессчастных на погибель,
„Ты на луде покидаешь на подводной;
„Ой, тошным да мне тошнешенько;
„Мою зяблую утробу разрывает“.
Как не слышит меня братец—красно солнышко;
Не спроговорит единого словечушка;
Как булат этым железом груди скованы,
В роде оловом уста его призалиты;
Знаю-ведаю, печальная головушка,
Укрывается мижонно мое солнышко,
За горушки, мой светушко, толкучие,
За облачка, мой свет, да за ходячие,
За часты звезды да подвосточные.
Укатается скачоная жемчужинка,
На иное безвестное живленьицо,
Во матушку, мой свет, во сыру землю.

2

ПРИЧИТАНИЕ СЕСТРЫ, ОБРАЩЕННОЕ К НЕВЕСТКЕ

Ты послушай-ко, сестрица—свет родимая,
Ты скажи мне-ка, горюшице, пожалуста—
Про свою скажи надежную головушку,
Мне про светушка ты братца про родимого,
Как лежал он во тяжелом неможеньице,
Ты сидела ли, победная, близешенько,
Припадалаль к ретливому сердечушку,
Приласкалась ли ко белу его личушку,
Ты ко этыим устам ко сахарниим?
Ты спросила ли любимую семеюшку
Тебе как жить, горюше, воспитатися,

Сирот малых детей да возрастить буде,
Да им в ком искать великое желаньице,
В ком прелестные им ласковы словечушка?
Аль во ту пору, сестрица,—в это времечко,
Делами ты, печальна, занималась,
Со крестьянами, обидна, угощалась?...
Попеняю скрозь обиду унывнешенько,
Я тебе да, свет-сестрица—моя милая,
При прежних спорядовыих суседушках,
Я при всем роду, горюша, при всем племени,
Когда был он при болезной постелюшке,
Ко мне весточку, сестрица, не послала,
Письма, грамотки, родима, не писала;
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Про велико, его бы неможеньице,
Я бы наняла спорядную суседушку,
На эту на уречную неделюшку,
Ю оставила б большухой подомовой,
Единёшенька сама бы приотправилась,
На свою да на родиму я сторонушку;
Во темных лесах зверей я не боялась бы,
В темной роще волков серых не страшилась бы,
Тут скорешенько бы в дорожку сторопилася,
Мне застать бы светушка братца родимого,
Пока в живности скачонная жемчужинка
При смертной, злодийной смерётушке,
Поглядела бы во бело его личушко,
Посмотрела бы во ясны ему очушки,
Сговорила бы хоть малое словечушко,
Я на память то со братцем со родимым;
Хоть сходилась бы тоска неугасимая,
Я бы в том, бедна горюша, не терзалась,
Что я светушка-братца не видала;
Я списала бы пером да лицо белое,
Я списала бы буйную головушку,
Столько на эту гербову на бумаженьку,
Я бы взяла тот патрет—эту бумаженьку,
К себе клала бы под правую под пазушку,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
Прилагала бы ко блеклому ко личушку,
Я снесла бы на судимую сторонушку,

Положила бы во светлой я во свéтлице,
Я на стенушку, победна, на лицовую,
Я на стопочку победнушка, точеную,
Я ходила бы, победна, любовалася,
Я смотрела бы, несчастна, красовалася,
Как на светушка на братца бы родимого.

III

ПРИЧИТАНИЕ ТЕТКИ

Отворись-ко дверь да ты дубовая,
Ты по пятничкам теперь да по железныим,
Ты по петелкам теперь да по булатныим,
Ты по этому порогу грановитому;
Не от ветрышка теперь да не от севера,
Потихоньку на пяту дверь отворялася,
Только мне моя сестрица не стречается.
Порастроньтесь-ка, народ да люди добрые,
Дайте мистечка теперь мне не сомножечко,
Не конем пройти, горюшице, проехать,
Не орлом птицей мне-ка пролететь;
Единой пройти, печальной мне головушке,
Со одну дайте дубовую мостиночку;
Вы не гнитесь-ко мостиночки дубовые,
Не ломитесь, перекладинки кленовые,
Я тонка иду, горюша, как тесёмочка,
Зелена иду, победна, как травиночка;
Мне пройти, бедной горюше, во большой угол,
Мне крест да класть, горюше, по-писáному,
Мне поклон вести, горюше, по-ученому,
На все на три-четыре на сторонушки,
Всем спорядныим суседушкам,
В собину воздать любимой, милой сватьюшке;
Мне как стать, бедной горюше, доложитися,
Не возбранно ли, любима моя сватьюшка,
Попустить мне невзычен голос?

Хоть не складно, у горюши, причитаньице,
Не для чести у меня, не для похвалы—
Со великой со обидушки,
По своей милой племяннишке,
Что на резвы она ножки не ставае,
На пути да на дорожке не стретае,
Со мной тайного словечка не забае.
Я гляжу, смотрю, печальная головушка,
Я на своего любимого племянничка;
Приуныв сидит, удалый добрый молодец,
Что задумался, крылатый ты ясён сокол?
Принаклонена-то буйная головушка,
Утоплены очи во сыру землю,
Рутит слезушки он—на дубовый пол;
Разлучил господь с семеюшкой любимой;
Поосталося сердечно это дитятко,
На великую ему да на заботушку.
Дума думушку бурлака пошибае,
Ум за разум у дородня забегае,
Как-то жить да без любимоей семеюшки:
Надо ростить то сердечно мало дитятко;
Кто носить будет на белых его ручуньках,
Кто истопит теплы, парны эты баенки,
Кто умоет его бело это личушко;
Кто учешет его бладую головушку,
Кто справлять да тонки белые рубашеньки,
Устилать буде пухову кто перинушку?
Без своей да ты семеюшки любимой,
С кем-то думать будешь крепку эту думушку?
Кто сжалуется до бедного до дитятка?
Буде спацьлива, желанна эта бабушка?
Аль сжалуются спацьливы родны дядюшки?
Да ты слушай же, родимый наш племянничек:
Была умная семья твоя любимая,
Обходимая со добрыма со людюшкам,
Как уцьлива со породой именитой;
Была на слово она да не спесивая,
На речах была она да не бросливая;
Остудушки в семье не возводила,
Безответна была белая лебедушка;
Почитала богоданныих родителей,

Воскликала богоданну свою матушку;
Пройде бранное словечко несговорное,
Хоть у вас там во семеюшке любимой,
Со милыма ветляныма вешуточкам,
Стане по́ избы голубушка похаживать,
Всем тут ласковы словечка проговаривать:
„Не грубите, светы братцы богоданные,
„Не спесивься, богоданна моя матушка;
„Вы меж ду-другом желанны не сердитесь-ко,
„Не узнали того добрые бы-людушки,
„Что содом есть во любимоей семеюшке".
Как на уличке ходила хорошохонько,
Говорила тут с суседмы веселёшенько,
Не в проно́с было суседям спорядовым,
Не в расска́з да было сродчам-милым сродникам;
Что ведь здор живет в семеюшке любимой
Еще слушай же, родимой наш племянничек!
После милой-то жены-семьи,
Много у́ма надо разума в головушке,
Да как ростить-то сердечно мало дитятко;
Спотешать надо на белых его рученьках,
Наб воспитывать его да во бело́й груди.
Тут сгруснешься ты, удалая головушка,
Спомянуешь ты жену-семью любимую,
Принесешь покор родителям желанным,
Своим милым сестричушкам родимым,
Спотешали бы сердечно мало дитятко,
Беспокоились по темным бы по ноченькам,
За этыма качелям за маетныма,
За этыим дитём да беспокойныим,
Уважать надо сестрицам-то родимым,
Наб сулить да им любимые подарочки,
Покупать да наб жемчужные подвесточки,
Ко белой груди платочки левантеровы,
На белу руку колечка брилиантовы,
По стану́ да сарафаны раструби́стые,
Им по плечушкам собольи-куньи шубоньки,
На резвы ноги—башмачики козловые,
По башмачакам—чулочики бумажные,
По белу лицу—мылья Вытегорские,
Чтоб спахнулися сестричушки родимые,

Ублажали бы болезно мало дитятко,
Хоть не долго-то пройдет да поры-времечка,
Пройдет шесть этых неделюшек учетных,
После милой семеюшки любимой,
Ты просить будешь прощенья с благословленьицом
У своих светов родителей:
„Благословите-тко, желанные родители,
„В другой раз да мне в закон то поступитися,
„Хоть великого греха да залучить;
„Мне нельзя жить без жены семьи любимые,
„Буду ровнюшку жену да прибирать себе,
„Я из красных жену да себе девушек".
Станут девушки тобой да все гнушатися,
Говорить станут белые лебедушки
Своим оны родителям:
„Не невольте нас, желанные родители,
„Во неволюшку, на чу́жу на сторонушку,
„Во заботу за блада сына отецкого;
„Нам не по́ уму остуда-чужа сто́рона,
„Не по совести остудней блад—отецской сын,
„Удовщищо ведь жених да посиделищо,
„Е сердечное рожоно у них дитятко;
„Я не матушкой буду—лихой мачехой".
Ты послушай же любимой наш племянничек:
Приберешь же хотя любимую семеюшку.
Ты денну себе крепку эту думушку,
Темной ноченькой себе да разговорщичку;
Хотя ж будет тут великое желаньице,
До жены да до семьи своей любимой,
Поозабудешь ты сердечно это дитятко;
Суро́во стане ведь мачеха похаживать,
Она грубо стане на́ дитя поглядывать,
Все не ласково она да разговаривать;
Не зачешет она буйнуей головушки,
Не возьмет его на белы к себе рученьки,
Не прижмет его ко ретливому сердечушку;
Она дитятка в утробе не носила,
Трудно-тяжело его не спородила,
Белой грудью дитё да не кормила;
Каково тепло от буйного от сивера;
Таково добро от лихой живе мачехи.

Возрастет да как сердечно мало дитятко,
Без родителя оно да ведь без матушки,
На спацьливых стане дяденек поглядывать,
Словно белочка в ясны очи посматривать,
Скрозь обидушку да их стане выспрашивать:
„Ой, скажите вы, спацьливы родны дяденьки,
„Уже где мое великое желаньице,
„Уже где да е спацьлива моя матушка?
„Как от бладости во радости не бывано,
„От рожденьица веселых дней не видано,
„Красно солнышко меня не пропекае,
„Я не убрано, позябло хожу, дитятко,
„Я исусовой молитвы не слыхаю."
Отрекнулся мой родитель-родный батюшка,
Как прибрал себе любимую семеюшку,
Все туды пошло великое желаньице,
Навязалася злодийка, лиха мачеха;
Ейны дети быдто сыр в масле катаются,
Опришенной я как варом обливаюся;
Ейны детушки гостинцем уласкаются.
Я ж обидной колотушкой угощаюся;
Как играют ейны детушки, кидаются,
Я быв птиченька в темном лесе пугаюся;
Ейны детушки на уличке смиренные,
Я ж дитё всегда не постатейное.

IV

ПРИЧИТАНИЯ МАТЕРИ

I

ПО ДОЧЕРИ-ДЕВУШКЕ

Как сегодным, долгим годышком,
Перед этой злой обидушкой
Унывало все ретливое сердечушко,
У меня, да у позяблой бедной матушки;

Говорила мне-ка белая лебедушка:
„Я не знаю же, родитель-мой мижонной день,
„Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
„Что устали нонь девочьи, мои рученьки,
„Изменился белый свет да со ясных очей;
„Хоть дождусь-то я темной этой ноченьки,
„Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
„Всё болит да моя буйная головушка;
„Ты будить придешь, родитель жалосливая,
„Кое-как да на постели я размаюся;
„Погляжу тут во косевчато окошечко;
„Виют ветрышки на широкой на уличке,
„Погодушка стоит во чистом поле".
Я не знала, бедна мать, горька-детиная,
Что разлукушка с сердечным будет дитятком:
Было совестно сказать да во добры люди,
Что грузна, больна белая лебедушка:
Тут по моему великому бессчастьицу,
Вдруг склонило ю тяжело неможеньице,
Сустигала злодей-скорая смерётушка;
Я сидела тут по темным у ней ноченькам,
Провожала с ней господни белы денечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку,
Поднимала от пуховой ю перинушки,
Я держала ю на белых своих рученьках;
Говорить да стала белая лебедушка:
„Не могу сидеть, родитель жалосливая,
„Не глядят да ясны очушки на белой свет.
„Я трудным да нонь, лебедушка, труднешенька".
Приносить стану тут ествушки сахарние,
Стану подчивать сердечно свое дитятко:
„Чего хочешь, моя белая лебедушка,
„По уму сложу те питьица медвяные".
Говорить стане сердечно, мило дитятко:
„Не спешись, моя родитель жалосливая,
„Не ходи да ты во лавочки торговые,
„Не бери ты мне-ка сладкого еденьица,
„Ты не тронь, мое желанье, золотой казны,
„Не тревожь ты добрых многих этых людушек,
„Не труди меня при трудноей постелюшке".

Уж день за день, как река течет;
Приходить стала разливня красна вёснушка.
Стало синее Онего разливатися,
Мое дитятко от нас да удалятися;
Быв, как дождички уходят во сыру землю,
Как снежечки быдто тают кругом на-окол огней,
В роде солнышко за облачко теряется,
Так же дитятко от нас да укрывается;
Как светел месяц по утру закатается,
Как часта звезда стерялась поднебесная,
Улетела моя белая лебедушка
На иное безвестное живленьице!
Вы любили наливную мою ягодку,
Почитали мою белую лебедушку,
Почасту брали в любимое гостибище;
По этой студеной холодной зиме,
Да вы пошлите крылата ясна сокола,
На этой ступистой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатных;
Она гостьицей бывала двунедельной,
Почасту была беседницей воскресной,
Как приедет со любимого гостибища,
Все хвалилося сердечно мое дидятко:
Было местечко во светлой, скаже, светлице,
Мне почёт то был, скаже, во большом углу;
Вы на улице голубоньку стретали,
Через два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устам ей были питьица составлены,
По рукам ей красна ложечка положена.
Теперь все прошло, миновалося,
С родом, с племенем она порассталася,
С отцем, с матушкой распростилася,
Нонь далече от породы отшатилась,
Не приеде к вам белая лебедушка
На гостиную уречную неделюшку,
Еще слушай же, порода именитая.
Попеняю вам, любимы милы сродничики;
Столько гневалось сердечно мое дидятко,
Как лежало при болезноей постелюшке;
Не пришли вы к ней, белоей лебедушке

Засмотреть да вы при крутом ю зголовьице;
Знать, боялись вы тяжела неможеньица,
Устрашились, видно, скорой вы смеретушки?
От суда божья, род, да мы не денемся,
От смерётушки ведь нам да не убегать;
Знать, что не-весто вам было не вестимо
Про ейно тяжело неможеньице?
Памятила моя белая лебедушка,
Сожидала крепко милых она дяденек;
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебедушка,
Тяжела она при скорой смерётушке.
Не посмели вы, спацьливы, притти, дяденьки,
Подоброумить мою белую лебедушку;
Што вы пòдолгу теперь снаряжаетесь,
Што вы потиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное;
Аль умножила станица малых детушек,
Что вам не было слободной поры времечка
К нам притти о бладычном божьем праздничке?
Чем разгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?
Скамеечки кленовы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цветно платьице у вас да приносила?
Поразгневалась белая лебедушка
На вас она, спацьливых своих дяденек,
Сожидаючи, родима, засмотреньица;
Была в живности белая лебедушка,
Говорила мне печальной головушке:
„Засмотрели б как спацьливы меня дяденьки,
Принесли бы они доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжела неможеньица,

От этого я складного зголовьица".
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дидятка,
На вашей прогульной славной уличке
Бладычной господень буде праздничек,
Вам гульбищечко будет со прокладбищем,
Гуляньице буде со весельицем,
Приберутся души красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые.
Тайны, милые, советны, дружны подружки,
Оны к вам во любимое гостибище,
Станут шуточки лебедушки шутить,
Всяки разны будут игры приставлять,
Тут воспомните сердечно мое дидятко.
Вы при милых, советных, ейных подружках;
Была первая любимая затейщица
На все разные игры на забавные;
Взвеселяла вас, спацьливых родных дяденек,
Спотешала все сердечных ваших детушек.

2

ПО СЫНЕ

Дай волюте-тко, народ, вы люди добрыи,
Вси бриближние спорядные суседушки,
Мои милые вы сродчи—столько сродннчки,
Не держите-тко под белы меня рученьки,
Не жалейте вы победную головушку!
У мня личушко пристаршее-сиротское,
Текут слевы, у горюши,—холодна вода;
Хоть волосушки падают седые, надломленыи;
Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
Про мою жалость велику бы утробную;
Жаль тошнешенько сердечного мне дитятка;
Во сыру землю рожденье укрывается!
Во глубок погреб рожденье опущается!
За горы нонь воспитанье отлетает!
Потеряла нонь талан да всю я участь,

3

Ой, вы слушайте-тко добры столько людушки,
Не умильно хоть не складно причитаньице,
Не унылой у мня жалкой этот голосок;
После своего сердечного нонь дитятка,
Мне в опорченках, победной, находитися,
Буде по миру, горюшице, набродитися;
Мне по чанчанкам нуженкой наскрипитися,
По подоконью, победной, настоятися,
Меж дворами мне, обидной, столыпатися,
Мне ходить буде каликой перехожей...
Ой, тошным да мне, победнушке, тошнёшенько,
Буде совестно мне этых людей добрыих;
Вы не сгрусните сь, спорядные суседушки,
На победную старушку, старо́древнюю,
Не огрубьте меня грубыим словечушком,
Не началась я, горюша, не надиялась,
Что возрощу себе мило это дидятко.
Тут возро́стила, победна, взрадовалася;
Был старатель-то крестьянской он ведь жирушки,
Он заботной на крестьянскую работушку,
Он спацьливой до сердечных был родителей
Нарекал всегда великиим желаньицем;
Как холили по крестьянской по работушке—
Мы за шуточки работу работали,
За веселье день по вечер коротали;
Пройдет день да тут у нас невидаючи,
Поскорёшеньку работа сработается;
Он спевал да звон-унылы жалки песенки,
Спотешал да молодецку свою молодость;
Доброумились победны мы головушки,
Как орел да быдто в саде воспевает,
Как соловьюшко во зеленом возжупляет,
Дивовались все ведь добры эты людушки...
Ой, тошным да мне, победноей, тошнешенько,
Уж как этым нонько малыим обнощьицем,
Не могла-то я горюшица докликаться,
Я по утрышку словечка допытатися,
У своего да я у рожоного у дитятка;
Не дай господи на сем да на белом свету,—

Столько не в пору расстаться не во времечко,
Лучше мне пришла бы скорая смеретушка.
Все мы думали, печальные головушки:
Приобженим по студеной холодной зиме,
Приберем ему любимую семеюшку,
Мы по разуму супругу—молоду жену,
Ему ровню-то из красных из девушек;
Видно, думушки теперичко несчастные,
Мои мысли, у горюши, не таланные.
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Что не долгой-то уписан ему векушко,
Я бы малого ведь в люльке закачала бы,
В парной баенке бладенца захвостала бы;
Уж так-то мне, победноей, тошнешенько,
Расставаться с возрощенным милым дитятком!
Мне-ка сесть было, бедной горегорькой-матери,
На хорошую брусчатую лавочку—
К тебе, мое рожденье сердечное!
Наглядитесь мои бессчастные,
Слезливые очи ясные!
Да списать было мне—персонь молодецкая,
Списать скорые резвые ноженьки,
Белые—бумажные рученьки,
Твое бело-румяное личико,
У хорошей у яблони кудреватые;
Как у яблони коренье булатное,
Так твои-то скорые ноженьки;
Как у яблони сучки-ветки до сырой земли,
Так твои белые бумажные рученьки;
На яблони листочки камчатые,
Как твое хорошо скруто платье—цветное,
На яблони цветики лазуревы,
Как твое бело румяно личико;
Вершинки на яблони сухо-красного золота,
Как твои молодецкие волосы;
Не много этой поры времечка,
Все прошло у тебя—миновалося,
Вся гульба, красота молодецкая;
Как у тебя яблонь-верба кудреватая,
Нынь посохло коренье булатное,
—Подломились твои скорые резвые ноженьки;

У тебя, яблонь-верба кудреватая,
Повисли пруточики висучие,
—Опали твои белые бумажные рученьки;
На тебе, яблонь-верба кудреватая,
Повяли цветочики лазуревы,
—Твое бело румяное личико;
С тебя, яблонь-верба кудреватая,
Сопали листочки камчатые,
—Скинут с тебя дорого платье-цветное,
Со твоих со могучиих со плечиков;
С тебя, яблонь-верба кудреватая,
Посыпалось сухо-красное золото,
—Опали молодецкие волосы
Со твоей бладой, буйной головушки.

4

Нонь повыйду на крылечико переное,
Где делают колоду белодубову,
Где ладят кресты животворящие;
На доспрос возьму я плотничков-работничков:
Ай же, плотнички, работнички,
Кто задал вам золоту казну бессчётную,
Что вы деете холодную хоромину—не мшоную;
Не обнесены брусовы белы лавочки,
Не прорублены косевчаты окошечка,
Не врезаны стекольчаты околенки,
Не складена печенька муравленая,
Не устлана перинушка пуховая,
Не собраны утехи все с забавушкой;
Ой, вы добрые суседи спорядовые,
Не зорите тепловито наше гнездышко,
Не тащите вы колоды белодубовой,
Не пугайте вы бессчастных нас родителей;
Уж мы клубышком победные катаемся,
Уж мы червышком бессчастные свиваемся,
С одинокиим дитём да расставаемся.

5

Не прогневайте-ткось, род-племя любимое,
На пристаршую, победную головушку!

У мня ествушки теперь да не по-старому,
Угощенье у меня да не попрежнему;
Со этой обидушки злодийной
Без ума хожу победна нонь, без разуму;
Пожалейте-тко, род племя любимое,
Пожалейте-тко вы мать да бездетиную!

6

Повзыскать пойду сердечно свое дитятко,
По всему пойду хоромному строеньицу;
Обойду да по селу я деревенскому,
Поспрошу я у любимых поровечников:
Дитё да не сидит ли на беседушке,
Он у точеных у пялушек,
Подле красных тыих девушек,
Он не шутит ли с ними, сидя, шуточек?
Не могу найти, печальная головушка,
Пойду с горюшка во чистое во полюшко:
Он не ходит ли в раздолье, во чистом поле,
Не гулят ли он, свет, в зеленом саду?
Не могу прибрать, печальная головушка;
Я с тоски пойду ко быстрой этой реченьке:
Он не ходит ли по крутому по бережку,
Не стрелят ли водоплавных, серых утушек
Со этого оружия за рукавняго?
Не могу найти печальная головушка;
С горя кинуся ко синему Онегушку—
Ко пристаням кинусь корабельным,
Обойду да я по крутому по бережку;
Как не ездит ли рожено мое дитятко—
На славном синем морюшке—
Не ловит ли уловной свежей рыбоньки
Этым неводом шелковыим?
Ловцы ездят на Онеге незнакомые,
Молодцы да столько ездят с другой волости;
Не могла найти печальная головушка
Не у быстрой найти да его реченьки,
Не на славном, синем на Онегушке;
Кабы крылышки, горюше, мне гусиные,
Да другие, горюше, лебединые,
Я бы поднялась, горюша, на сизо крыло,

Выше горушек, горюша, бы высокиих,
Выше темныих бы лесушек дремучиих,
Вровень с облачком, горюша, бы ходячиим,
Облетела бы, горюша, подселенну всю,
Я во первое бы Поле во Лодейное,
Во другой славной город Петербургской бы,
Я во матушку слетала бы во большу Москву,
Повзыскала бы сердечно свое дитятко —
Во лакеях повзыскала, у господ бы я,
Иль во кучерах его да у священников;
Не нашла бы тут сердечного я дитятка;
Обошла бы по казармам я казенным,
Повзыскала б по солдатам новобраным,
По мастерским бы я искала по столярным;
Куды-хоть брошусь победная головушка,
Не найти столько роженого мне дитятка;
Мне-ка во веки победной не видать буде,
Мне-ка на слыхе победной не слыхать буде;
Хоть отпущено рожено у мня дитятко,
Хоть не в дальную дорожку безызвестную,
Не в лесные перелески мутарсливые,
Во матушку да во сыру землю,
Во погреба да он во глубокие,
Теперь все прошло, миновалося,
Я на веки с дитём да порасстались;
Не к кому, горюше, приютитися,
Не к кому, победной, припшатитися;
К роду мне, горюшице, ко племени?
Аль к сердечным-любимым племянничкам?
От чужих людей недовольны эты хлебушки,
От племнят не велика приберегушка,
Только на сердце великая зазнобушка;
Лучше жить буду победная головушка,
Во своем я во строеньице унылом,
На печальной кирпичной своей печеньке;
Може, сдобрится род-племя любимое,
Сжалуются сродчи мои сроднички,
До меня горюши, бесприютной;
Може, засмотрят победную головушку
О светлом христовом воскресеньице,
Аль бладычном божьем праздничке;

Хоть вы цветно его платье разберите-тко-сь
Меж ду-другом, порода, разделите-тко,
Сироту меня посменно засмотрите-тко!

V

ПРИЧИТАНИЕ ДОЧЕРИ НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

1

Порастроньтесь, люди добрыи!
Припаду я ко могилушке,
Я послушаю, бессчастная,
Нонь не стонет ли сыра земля,
Не вопит ли моя матушка,
Не жалиет ли обиднушки;
Ой, не стонет мать-сыра земля,
Не вопит моя родитель жалосливая!
С гор катитесь, ручьи вёшныи,
Вы размойте пески желтыи,
Поднимите гробову доску,
Вы откройте полотенечка;
Дайте раз зглянуть горюшице,
На родитель мою, матушку!
Ой, не льются ручьи вешныи,
Не размоют песков желтыих,
Не покажут моей матушки!
Возбушуйте, ветры буйныи,
Со всех ли четырех сторон,
Понеситесь вы к божьей церквы,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку.
Не бушуют-то ветры с четырех сторон,
Не ударят оны в большой колокол,
Не разбудят моей матушки.
Знать, не выстать синю камешку с синя моря,
Не бывать в живых родитель—моей матушке.

Ох, тошным да мне тошнешенько!
Пройдет зимушка холодная,
Вот наступит весна красная,
Потекут да речки быстрые,
Зацветут в рощах деревьица,
Запогуркивают голуби,
Запосвистыват соловьюшко, —
У меня ж, бедной горюшицы,
Не сойдет с сердца кручинушка,
Не убавится обидушка.
Распекё да красно солнышко
Середи да лета теплого,
Не согреет сиротинушки,
Лишь притеплит меня, беднушку,
Зеленая дубравушка
На могиле моей матушки!

VI

ПЛАЧ ПО УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛНИЕЙ

Как по этой по разливной красной веснушке,
На троицкой то было на неделюшке,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на поле объявлятися;
Тут повыехал спорядный наш суседушко,
Он в раздольице повыехал в чисто поле,
На эты на роспашисты полосушки.
С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часу вдруг тут е да объявилося,
Стало солнышко за облака тулятися,
Наставала туча темна — неспособная,
Со громом да эта туча со толкучиим,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
Со этыим огнем да она плящиим;
На горы шла туча на высокие,
Горы с этой тучи порастрескались,

Мелки камышки со страсти покатилися;
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучиим,
Леса к зени с этой тучи приклонилися,
По корешку они все приломалися;
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесе дики звери убоялися,
По своим местам звери убиралися;
Становилась туча темна на сине море,
Сине море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тут море расшумелося;
С луды камни оно тут вырывало,
Волной на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоялися,
По своим станам рыбы разметалися;
По селам пошла туча деревенскиим,
Знать, деревнями-то туча разгремелася,
Мать-сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрый дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своих домах оны да сохранялись;
На чисто поле тут туча своротилася,
Страшно-ужасно тут туча разгромелася,
Очень плящии огни да разгорелися;
Все ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Тороком да пройде темна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку...
Стрела божья тут вдруг да разлетелася,
Не на воду, ведь, стрелушка, не наземлю,
Не на зверя в темном лесушке съедучего,—
Она пала на суседа спорядового,
Изорвала все ретливое сердечушко.
Заразил-побил Илья-свет преподобной
Да он славного крестьянина могучего.
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела-молвия зараз же приукрылася,
Вдруг пороспекло тут красно это солнышко...
Как схватилася спорядная суседушка
За свою она надежную головушку:
Где от тучи, от молвии сохраняется,
Под какой да деревиночкой спасается,

Под малым ли ракитовым под кустышком,
Аль сидит он на катучем белом камышке;
Тут, ведь, бросилась спорядная суседушка,
По селу она пошла да деревенскому,
Тут в раздольице бросилась во чисто поле,
Скоро шла да по распашистым полосушкам,
Вдруг увидела ступистую лошадушку:
Доброй конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужахнулось ретливое сердечушко,
Не видать да все надежноей головушки.
Тут глядеть стала по чистому по полюшку.
Как сглянула на курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь — в щепу разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклонено;
Тут бросилася к кудрявой деревиночке.
Как лежит ейна надежная головушка,
На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце все молвией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты.
Задрожала тут победная семеюшка,
Испугалася надежноей головушки;
Нету душеньки его да во белой груди,
Нету зренья у его да во ясных очах,
Во устах его язык да не воротится,
Как убит — лежит, надеженька, подстреленой
От страсти он, надежа, тучи темной...
Воротилася победная суседушка
Она взад да во село тут деревенское,
Со раздольица, победна, со чиста поля,
Объявила тут суседям спорядовым,
Как наделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным;
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли...
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Приедут как судьи неправосудныи,
Будут потрошить надежную головушку,
По частям резать, по мелким кусочикам;
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут-то сердечушко ретливое,

У тебя тут, у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий, бедна, любимоей покрутушки,
Заложи-снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной;
Как приедут дохтура да славны лекари,
Как со этого со города Петровского,
Попроси да, бедна, добрых ты людушек,
Своих сельскиих проси, бедна, начальничков,
Писарев проси, победна, хитромудрыих,
Штоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да оны лекарей,
Задарили б золотой казной бессчетной,
Штоб надеженьку твою не патрушили,
Штобы белой его груди не пороли,
Штоб сердечушка его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке-сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья;
Не убойся ты, спорядная суседушка,
Говори, бедна горюшица, смелешенько,
Ты корись, бедна, с великоей обидушкой,
Ты упрашивай, победна, с горючмы слезмы;
Може, сдобрятся судьи неправосудныи,
Ты сули им золотой казны по надобью,
Во потай сули без добрых ты без людушек,
Тут озарятся оны на золоту казну;
Как дают оны ведь, може, приказанье
Сколотить эту колоду белодубову,
Приубрать твою надежную головушку
И покрыть да этой матушкой-сырой землей.
Еще слушай-ка, спорядная суседушка:
Ты схоронишь как надежную головушку,
Ты во матушку схоронишь во сыру землю,
Ты во погреба опустишь во глубокии,
Постановится крестьянска вся работушка;
У тебя да у печальной тут головушки

Разорится дом, крестьянская вся, ведь, жирушка;
Будешь слыть, бедна кручинная головушка,
Ты бобылочкой, победна, сиротиночкой;
Вдруг останешь от участков деревенскиих,
Отлишишься от луговыих от поженок,
Ты воспомнишь свет-надежную головушку,
Ты поплачешь на раздолье, на чистом поле,
Потоскуешь ты, победна, в зеленых лугах.
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Не впадись в тоску, великую кручинушку.

ПРИЧИТАНИЯ РЕКРУТСКИЕ
И
СОЛДАТСКИЕ

I

РЕКРУТСКИЕ

1

ПРИЧИТАНИЯ МАТЕРИ ПО СЫНЕ, ВЗЯТОМ НА ВОЙНУ

Я чего да сижу, мать бедна-бессчастная,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовой сижу да на белой лавочке,
И под печальныим косевчатым окошечком,
И под туманноей стекольчатой околенкой;
Я сижу, бедна горюша, призадумавши,
И чужих басенок, горюша, приослухавши;
Подивуют мне-ка добры эти людушки,
И посрекаются спорядные суседушки:
И, знать, на радости сидит да на весельице
И на великой, знать, господней божией милости:
У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И что, ведь, прибрались народ да люди добрыи:
И не весельице у нас, да не забавушки,
И не тихии смиренныи беседушки,
И не честное у нас да пированьице;
Нонь как этыим учётным долгим годышком
И сочинилась грозна служба государева,
И сволновался неприятель земли русской,
И присылать стали указы государевы;
И собирать стали удалых добрых молодцев,

Как на сходку ведь теперь да на обчественну,
И тут писать стали удалых добрых молодцев
Да на этот на гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосудныи,
И все ко этыим ко жеребьям дубовыим.
Уж как этыи удалы добры молодцы
И перед господа глаза да ведь крестили
И богородице молитовку творили;
И оны брали жеребья да тут дубовыи:
И пойти надо тут во службу государеву.
Как сегоднишним господним божиим де́нечком
И хоть не скованы да резвы у них но́женьки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки бе́лы ру́ченьки,
И обрестованы указом государевым.
Вот похаживат сердечно мое дитятко,
И он по доброму хоромному строеньицу,
И да он буйной-то головушкой покачиват,
Он желтыма кудерками потряхиват,
И молодецкима-то ручками помахиват,
И он на память-то словечка спроговариват,
И говорит столько скаченая жемчужинка:
„Знать, судьба моя теперь да все несчастная,
„Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
„Сустигае грозна служба государева;
„И на роду да, видно, служба мне уписана,
„И, видно, на-делу бурлаку доставалася".
Тут он смахне свои белы эты рученьки
И на бурлацку молоде́цкую головушку,
И на завивные на желтыи кудёрышка;
И не жалие молодецких кудер желтыих,
И с горя рвет да свои желтыи куде́рышка.
Тут он сма́хнет молоде́цки белы рученьки,
Он на этую на грудь да молодецкую,
И подожмет свое ретливое сердечушко:
„И не тоскуй да молодецкое сердечушко,
„Не унывай да молодецкая утробушка".
И он пройдет да по хоромному строеньицу.
И он спроговорит единое словечушко,
Всим приближним спорядо́вым суседушкам,
Всим друзья́м да молодца́м своим приятелям,

В собину да душам красным скажет девушкам:
„Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
„И на печального бурлака на молодого.
„И как хожу я по хоромному строеньицу,
„И по светлоей хожу да я по светлице,
„И я не пьян, да с горя, молодец, шатаюся;
„Без воды да резвы ножки подмывает,
„Без огня мое сердечко разгорается,
„Без смолы моя утроба раскипляется,
„Дума-думушку бурлака пошибает,
„И ум за разум у бурлака забегает.
„Вы простите-тко, души да красны девушки!
„Как что сдиется над добрыим над молодцем,
„Как возьмут да в грозну службу государеву,
„И вы вспомните, души да красны девушки,
„И вы спамятите-тко бурлака размолодого,
„Вы на этыих горах да на искатныих,
„И вы на тихих на смиренных беседушках!
„Помолитесь-ко, старушки стародревнии,
„Штобы господи бладыко-свет помиловал,
„Как от этой бы от службы государевой,
„И возратил бы на судиму бог сторонушку,
„И рыболовушком на сине бы Онегушко,
„И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
„И воскормителем желанным бы родителям.
„И не тоскуй, моя родитель, родна матушка,
„И ты не плачь, мое желанье, горючмы слезмы,
„И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
„И ты обидушки ко зяблоей утробушке“.
Я гляжу, смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечно свое дитятко:
И, как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася,—
Добрый молодец кручиной убивается.
Не дай, боже, ведь того, да, боже господи,
Расставаться со сердечныим со дитятком.
Ой, тошнехонько ретливому сердечушку:
Как детиная тоска — неугасимая,
И как жива эта разлука пуще мертвой.

2

СОВЕТ МУЖУ-РЕКРУТУ ИСПРОСИТЬ У РОДИТЕЛЕЙ ОТКУПА ОТ СЛУЖБЫ

И ты послушай, свет-надёжная головушка,
И мы повзыщем, свет, желанныих родителей,
И мы корить будем сердечушко покорное,
И мы головушку клонить будем поклонную,
И мы приклоним-то бладенца трехнедельного
И мы во резвыи родителям во ноженьки;
И не спахнутся ль оны, да не сжалуются ли,
И по тебя, да тепло-красно мое солнышко,
И по обидныих сиротных своих внучаток;
И, може, взыщут-то названо себе дитятко,
И оны наймут-то бурлакушка все вольного,
И слободят тебя, бурлацкую головушку
И от злодийноей от службы государевой;
И буде, нет вкруте его да не находится,
И так бы съехали ко городу Петровскому,
И там нашли бы-то судей неправосудныих,
И задарили б золотой казной бессчётноей,
И что-б тебя, мою надёжную головушку,
И все не приняли б во службу государеву.

3

ОБРАЩЕНИЕ ЖЕНЫ К РОДИТЕЛЯМ МУЖА С ПРОСЬБОЙ—ОТКУПИТЬ ЕГО ОТ СОЛДАТЧИНЫ

И вы уж слушайте, желанны свет-родители!
И вы не спомните-тко зла да нашей лихости!
И пожалейте сирот малых, наших детушек,
И мою милую надёжную сдержавушку!
И почитать буду я вас да богоданныих родителей,
И устилать буду пухову вам перинушку,
И утоплю да тёплы парны про вас баенки,
И столько вы, да свет-желанные родители,

И сберегите-тко вы красно мое солнышко,
И мою милую надежную сдержавушку,
И от злодийной этой службы государевой.
И знаю, ведаю, кокоша горегорькая,
И у вас добрая крестьянская, ведь, жирушка,
И все довольны беззаботны е, ведь, хлебушки,
И у вас есть да золота казна бессчётная;
И вы отпустите победну как головушку
И во злодийну эту службу государеву,
И дивовать да будут добры столько людушки,
И попрекать да вас спорядные суседушки,
И что спустили вы во службу государеву
И сердечное рожоно свое дитятко,
И обсиротили ветляну вы нешутушку
И со стадушком ведь вы да со детиным,
И порозгневали рожоно ваше дитятко
И вы навеки-то его да нерушимые
И вы глядите-тко, жаланны свет-родители,
И на свое да вы рожоно мило дитятко,
И на мою да вы надёжную головушку!
Уж он держит-то бессчастных своих детушек,
И на своих носит бессчастных белых ученьках,
И по фатерушке, надёженька, похаживат,
И малым детушкам в горях да выговариват:
„Ой, бессчастные вы дети, не таланные!
„Уже в ком искать велико вам желаньице?
„От кого да ждать прелестных словечушек?
„И от дедушка, знать, вам да не желаньице,
„И от бабушки, ведь, вам да не раденьице“.

4

ПРИЧИТАНИЕ ЖЕНЫ ПРИ ПРОВОДАХ

И ты послушай-ко, надежная сдержавушка,
И не ласкай меня, победну, не ублаживай,
И мне-ка так, бедной горюшице, тошнёшенько,
И порасстаться с тобой, красно мое солнышко,
И с дорогой милой скаченоей жемчужинкой;
И моя трескае бессчастная утробушка,
И уныват мое ретливое сердечушко,
И сколько глядючи на милую сдержавушку;
И хоть меня да ты, победну, утешаешь,
И сам горючи свои слезы проливаешь
И во потай да от бессчастноей головушки,
Что не видла б я, горюша, молодецких слёз;
И ты послушай же, миженьско мое солнышко!
И не жалий меня печальноей головушки;
И со кручинушки смерётушка не приде,
И со тоски у мня душа с грудей не выйдет,
Хоть текут горючи слезы не жемчужные,
И мое лицо у бессчастной—не бумажное;
И мне-ка жаль тошно́, победноей головушке,
И тебя умной жаль, надежноей сдержавушки.
И когда преж сего до этой поры-времечки,
И до студеноей холодной этой зимушки,
И у тебя да у скаченой у жемчужинки
И красота в лице была, как красно солнышко,
И белота была у света — снежку белого,
И были умные учливы разговорюшки;
Вдруг как сделалась великая незгодушка,
И объявили лист-бумаженьку гербовую,
И прочитали как указы государевы,
И объявили злодей-службу завоенную,
И как со той поры у нас, да с того времечки,
И со мирской сходки, наш свет, да со собраньица,
И когда съездил ты на обчество собраное
И получил да когда жеребья дубовые,
И как приехал в дом крестьянску свою жирушку
И становил да ты ступистую лошадушку
И ты у этого крылечика перёного,
И я повышла все печальная головушка

И тебя стретить, свет, на широкой на уличке,
И на крылечике тебя да на перёноем,
Чтоб ведь сдиять с тобой доброе здоровьице,
И все пороспросить ведь милую семеюшку:
И ты со радостью ль приехал со весельицем?
И я взглянула как, кручинная головушка,
И на тебя, да тепло-красное мое солнышко,
И на твое да молодецко да бело личушко,
И я увидела, печальная головушка,
Что сменилося бурлацко твое личушко,
И помутились молодецки твои очушки,
И на головушке кудерки развивалися,
И уж ты пьян не пьян, мой светушко, шатаешься
И говоришь — с тоски, победной, ты мешаешься,
И воспроговоришь ты мне-ка таково слово:
„И ты послушай-ко, жена бедна-бессчастная,
„Я не с радости иду да не с весельица,
„Со злодиноей великоей тоскичушки,
„И меня обчеством, жена, да выбирали,
„И на гербовой лист-бумаженьку писали“.
И буде, верите, народ да люди добрые,
И да мне-кова печальноей головушке:
И подломилися тут резвы мои ноженьки,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И закатился тут катучий белый камешек
И на моем да на бессчастноем сердечушке;
И на сердци студит зима у мня студёная,
И ум-то разум во головушке мешается,
И белый свет да со ясных очей теряется;
И как не носят с горя резвы мои ноженьки,
И не глядят на свет победны мои очушки,
И с горя рученьки бессчастны примахалися.
И как со этоей поры да столько времечки,
И он — милая, надежная сдержавушка,
И он не кушал столько ествушек сахарниих,
И не испивал да ведь он питьицев медвяных;
И хоть же сядем мы за стол да хлеба кушать,
И порасплачемся, победны, ростоскуемся;
И хоть сидим да со сердечными со детушкам,
И я держу в руках бладенца тринедельного,
И мы на ду-друга, бессчастные, поглядаем,

И мы на малого бладенца-то посматриваем;
И сговорю, бедна горюша, таково слово,
Я своей милой, надежноей сдержавушке:
„Я куда, бедна, с бладенцем поостануся,
„И уж я ка́к, бедна-победна, воспитаюся,
„И мы великой тут кручины напитаемся,
„И мы горючима слезами напиваемся“.
И хоть повыйдем с-за стола да с-за̂ дубового
И уж мы сядем на брусову белу лавочку,
И тут мы схватимся с надежноей головушкой,
И да я сдыну тут бессчастны свои рученьки
И на бессчастны, на могучи его плечушки,
И на печальну, молодецкую голо́вушку,
И стану жалобно, уныло причитать;
И как у моей у надежноей сдержавушки
И ростоскуется ретливое сердечушко,
И роспеча̂лится бессчастная утробу̂шка;
И унимать стане, победну, уговаривать,
И он меня да ведь, кокошу горегорькую:
„Ты послушай-ко, победна, молода жена,
„И ты не впадайся в великую кручинушку;
„И как после меня, бессчастна добра молодца,
„И поостанутся сердечны тебе детушки
„И на роздий тебе великоей тоскичушки“.
И уж как мне-кова, печальноей головушке,
И не на радость мне-ка детушки, великую, —
И на злодийную великую кручинушку;
И как что сдиется, надёжная головушка,
И над тобой, да тепло-красно мое солнышко,
И по горям да наб пойти мне-ка, по по́зорам
И со сердечныма со малыми со детушка̂м.
И кабы знала я, горюша, про то ведала,
Что без тебя жить, без надежноей сдержавушки,
И провожать да мне бессчастну свою молодость,
И я в божией-то ведь церкви не стояла бы,
И я закону бы ведь е не принимала бы,
И я со волюшкой, горюша, не расстала̂сь бы,
И со бладым сыном с тобой я не спозналась бы.
И лучше жила бы во красных еще девушках,
И у своих да свет-желанныих родителей;
И, знать, судьба да у горюшицы бессчастная,

И написалась мне-ка жизнь да не таланная,
И буди прокля эта служба государева.
И разлучат да многих добрых столько людушек,
И как бурлакушков ведь е да с молодой женой.
И ведь жива эта разлука пуще мертвой:
И три дня клубышком, горюшица, каталася;
Так тошнó-больнó ретливому сердечушку,
И порасстаться мне со красным тобой солнышком.
И еще слушай же, надёжная сдержавушка:
И как что сдиется, сдовольной белой светушко,
И тебя вóзьмут как во службу государеву,
И не оставь меня, печальноей головушки,
И светам-братьицам, бессчастну, на обидушку,
И малых детушек своих на поруганьице;
И ты предай да ума-разума в головушку,
И как ведь жить буде, победной, мне головушке,
И без тебя, да тепло-красно мое солнышко,
И как по этой разливной красной вéснушке,
И будут пáхари на чистыих на полюшках,
И севчи́ да на роспашистых полосушках,
И пойдут счáстливы жены да все таланныé,
Как со своúма со надежныма головушкам,
И все по трудной по крестьянскоей работушке;
Уж как я бедна, бессчастная головушка,
Я ходить буду по хоромному строеньицу,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
И на прогульну буду уличку посматривать,
И унывать буде бессчастное сердечушко,
И разрывать да буде зяблую утробушку;
И с горя брошусь я, печальная головушка,
И ко бессчастныим сиротным малым детушкам,
И с тоски вóзьму их на белые на рученьки,
И сговорю бедна, кручинная, словечушко:
„И вы пойдемте сироты́ да милы детушки,
„И вы на трудную крестьянску на работушку,
„И вместо свóего родителя вы батюшка“.
И малы детушки бессчастны, как малёшеньки,
И они разумом ведь, детушки, глупёшеньки,
И точно бéлочки в глаза ко мне поглядают,
И не толкуют-то, бессчастны, разговаривать;
У меня ж тут, у победной, у головушки,

И мое рву́чи-рвет ретливое сердечушко,
И столько глядючи на малых этих детушек.
И без тебя, да как миженьско, красно солнышко,
И все без милоей, надежноей сдержавушки,
И мне пойти да на крестьянскую работушку,
И поставить наб сердечных малых детушек,
И принести поко́р богоданной надо матушке:
„И ты останься-ко с бессчастными со детушкам,
„И не обидь да ты сирот-то горегорькиих,
„И так печальные-обидны мои детушки,
„И все без сво́его родителя без батюшка“.
И хоть повыйду я в раздолье, во чисто́ поле,
И спомяну да тебя, красно мое на́ золоте:
И на этих я полях да хлебородныих,
И на этих я лужках да сенокосныих,
Где ходила я с надежноей головушкой,
И я по трудной по крестьянскоей работушке,
И с весела́ да красно лето провожала
И за гульбищечко дорожку коротала;
Где мы думали ведь крепку с тобой думушку,
И говорили где затайные словечушка,
И на котором мы сидели белом ка́мешке,
И под которой под саха́рной деревиночкой;
И к деревиночке приду я потоскую,
И на катучем белом ка́мешке поплачу;
И возжидать буду, печальная головушка,
И тебя, милую, любимую семеюшку,
И прокоро́таю, победна, день до вече́ра,
И до закату тепло-красного я солнышка;
И по домам да все суседи убираются,
И со чиста́ поля они да разъезжаются,
А я ждать буду надёжную головушку:
„И появись хоть, тепло-красное мое солнышко,
„И мне впотай, бедной горюше, потихошеньку,
„И приобрадуй-ко ретливое сердечушко;
„Хоть в солдатском появись да мне-ка платьице,
„Хоть с оружьицем приди да завоенныим,
„И с пистолетиком приди да зарукавниим;
„Не убо́юсь, бедна горюша, не споло́хаюсь,
„И я не беглого солдата, не походного,
„И с тобой сдию, бедна, доброе здоровьице,

„И тут пороскажу велику́ свою кручи́нушку,
„И про своих да про бессчастных малых детушек;
„И тут мы ду́-другу, победны, пороскажемся,
„И посидим, бедны, печальны, посоветуем".
Всё раздумаюсь победным умом-разумом,
И я бессчастными мысля́ми не таланными:
И теперь годышки ведь е да все не прежние,
И времена пошли теперь да не досюльние;
И нонь не уйдешь ты, солдат, да не деваешься,
И на родимоей сторонке не покажешься;
И отец-матушка теперь да отпираются,
И столько род-племя теперь да отрекается.
И ты послушай-ко, надёжная головушка,
И как признаю я, горюша, горегорькая,
Не откажусь я ведь, семья твоя любимая,
И от своей да от законной от сдержавушки,
И от тебя, да тепло-красно мое солнышко.
И нонь сегодни́шним господним божьим де́нечком
И во тумане пече красно теперь солнышко,
И во печали златокрылой ты ясен сокол,
И во тоски, моя надежа, во кручинушке;
И у меня, да у бессчастной у головушки,
И разболела все бессчастна бу́йна го́лова.
И разгорелося победно ретливо́ сердце́;
И нынь раздумаюсь победным своим разумом:
И день ко вечеру теперь да коротается,
И час к часочику теперь да придвигается,
И молода жена с надежой расставается;
И как меня, да ведь печальную головушку,
И все долит тоска-кручина неудольная;
И без смолы моя утроба раскипляется,
И все дубовые мостинки подгибаются.
Да ты слушай свет любимая семеюшка:
И как после́ тебя, надежноей сдержаву́шки,
И поостанусь я, печальная головушка,
И не вдовой да буду слыть — женой не мужнеей,
И я бессчастною солдаткой горегорькою;
И сиро́ты будут солдатски мои детушки,
И не обуты будут резвы у них ноженьки,
И не одеты их бессчастны будут плечушки;
И приотпихнут-то желанны столько дядюшки

И от стола да их, бессчастных, от дубового;
И приоткажут-то меня, бедну горюшицу,
И все от доброй от крестьянской меня жирушки;
И тут студеной холóдной этой зимушкой,
И отпущу да я сердечных своих детушек,
И межу двóрамы, горюша я, шататися,
И по подóконью их, бедна, столыпатися;
И кладу нá руку победным бураченочко,
И на бессчастные на плечушки шубёночку;
И отпущу да как, победна, их, головушка,
И уделять стане великая кручинушка;
И прогляжу, бедна, в косевчато окошечко,
И на бессчастныих на малыих на детушек;
И пораздумаюсь бессчастным своим разумом:
И столько пустят ли их добрые там людушки,
И во хоромное их пустят ли строеньице,
И обогреют ли бессчастно ретливó сердцé,
И сирот малыих моих да бесприютныих;
И хоть их оббранят, бессчастных, обругают,
И у меня же да у победной у горюшицы,
И на три ряд моя утроба перетрескае;
И хоть дождусь, бедна кручинна, я головушка,
И со пути идут бессчастны мои детушки,
И со дороженьки они да все холодные,
И хоть там придут в дом, хоромное строеньице,
И они сядут-то о дверной бедной уголок,
И ростоскуются, бессчастны, порасплачутся,
И говорить станут, победной мне головушке,
Что позябли крепко резвы наши ноженьки,
Что дрожит наше ретливое сердечушко;
И так с кусочками я буду разбиратися,
И слезами я, горюша, обливатися,
И прижимать стану к бессчастноей утробушке,
И я своих малых бессчастных своих детушек,
И причитать буду, горюшица, я причетью:
„Ой, бессчастные сердечны мои детушки,
„И бесталанна бéдна мать да горегорькая;
„И как бы прú доме родитель был бы батюшко,
„И дорогà была, нáдежная сдержавушка,
„И не сирóтали бы вы горькие сироточки,
„И не зяблú бы от снежку да ножки резвые,

„И от морозушка утроба бы не трескала,
„И от ветрышка лицо не подвевало бы,
„И нас великая тоска не удоляла бы“.
И как свезут да тебя, красно мое солнышко,
И ко злодийному ко городу Петровскому,
И буде, во́зьмут там во службу государеву,
И обмунде́ря вас мундиры сукон серых, —
И не в милое, солдатско это платьице,
И вам повыдадут оружьица военные;
И тут схожу да я во уличку рядовую,
И там возьму да я бумаженьку гербовую,
И повзыщу да писарев там хитромудрыих,
И тут спишу твое солдатско бело личушко,
И на патрет твою покруту нелюбимую,
Я мундер спишу, горюша, сукон серых,
И твои ясные спишу да, бедна, очушки,
И тут солдатское спишу да нареченьице:
И я свезу этот патрет да все бумаженьку,
И на свою да на родиму я сторонушку,
На погляженьице сердечным своим детушкам,
И им на память-то родителя ведь батюшка;
И станут детушки по комнате похаживать,
И бессчастну меня матушку выспрашивать:
„И ты послушай-ко, родитель наша матушка,
„И уже где наше великое желаньице,
„И где родитель-от ведь наш, да где е батюшко?“
И у меня ж тут у печальной у головушки,
И тут великая обида порасходится,
И я схожу да в мелкорубленую клеточку,
И я во светлую схожу да с горя све́тлицу,
И отомкну с горя ларци да окова́нные,
Я повыну тут патрет да бело личушко,
И принесу да ко сердечным малым детушкам:
„И вы глядите, бедны дети, памятите-тко,
„И как на своего родителя на батюшка,
„И тут великое сердечно вам желаньице,
„И како да на родителе е платьице,
„И как сокру́чен-то, бессчастной, обмундерен,
„И как подтянуто солдатское сердечушко,
„И призастегнуты тут пуговки фрунтовые,
„И тут повыданы оружьица пудовые:

„И столько тут его участки деревенские,
„У вашего родителя у батюшка“.
И как в поход его бессчастна снаряжала,
И он подáл мне-ка патрет да лицо белое,
И наказал мне-ка, горюше, уговаривал:
„И тут надиюшка с сердечныма со детушкам,
И тут сердечное велико вам желаньице,
И тут великое ведь вам да доброумьице;
И оставляю я победной молодой жене,
Я до возрасту бессчастной до детиного,
И тут довольны беззаботны тебе хлебушки,
Со сердечными рожоными со детушками,
И тут обуточка ведь вам да и надеточка;
И тебе тýт, бедной, любимые подарочки,
И тут бладычные тебе да божьи праздничкп;
И тебе тут бедной, горюше, угощеньице,
И на великое тебе да погляженьице,
И ты весь день держи на белых своих ручен.ках,
И да ты в ночь клади к ретливому сердечушку,
И да ты пóд-утро ко блеклому ко личушку,
И ты патрет клади да бело мое личушко;
И наликуешься, горюша, натоскуешься,
И ты горючими слезами приобóльешься,
И не забудешь ты бессчастна добра мóлодца,
И свою милую надёжную сдержавушку“.
И хоть я при́няла, победная головушка,
И я патрет да это бело его личушко,
И тут я пала ведь, горюша, о сыру землю,
И я не видела тут, горюша, свету белого;
И да я клубышком, горюшица, каталася,
И я червышком, победная, свивалася;
И я не знала то, победная головушка,
И как с сырой земли, горюша, подымалася,
И как с надёженькой, победна, расставалася;
И сговорила тут единое словечушко:
„И лучше мать-сыра земля да расступилась бы,
„И уж бы я туды, победна, приукрылась бы,
„И тут утробушка моя не обмирала бы,
„И тут сердечушко мое не разрывалось бы“.
И моя милая надежная головушка,
И тепло-красное миженьско мое солнышко,

И он тут белыми-то ручками помахивал,
И он головушкой ведь мне да все покачивал,
И он на память мне словечушки наказывал,
И как жива эта разлука пуще мертвой:
И я бы лучше ведь, кокоша горегорькая,
И отпустила б его в матушку сыру землю
И чем во эту во злодий-службу государеву;
Я бы знала ведь, печальная головушка, —
Где положена законная сдержавушка,
Я бы почасту, горюшица, учащивала,
Я бы подолгу, горюшица, усиживала
И с соболезными с сердечными со детушкам,
И у своей да у надёжной у сдержавушки,
И я у свóего миженьска красна солнышка.
И подойду да я с злодийным бессчастьицем,
Уж я взад ко любимоей семеюшке,
И наложу да я бессчастны свои рученьки,
И на его да я победную головушку:
И при последи-то теперь да поры времечки,
И поглядите-тко, народ да люди добрые,
И как ликуюсь я с надёжноей головушкой:
И не ликуемся, победны, мы тоскуемся;
И ушибат да нас злодийная тоскичушка,
С тепло-красным миженьским моим солнышком:
И от меня да нонь, надежа, удаляется,
И он за горушки, надежа, за высокие,
И он за темные леса, да за дремучие,
И далеко-то он за мхи да зыбучие,
И он за круглые за малые озерышки,
И за синее, за славно за Онегушко,
И жаль тошнёшенько победной мне головушке,
И поросстаться мне с любимоей семеюшкой,
И отпущать да в злодей-службу государеву,
Мою милую надежную сдержавушку.
И лучше нá свете была бы я не рóжена,
И родителью на свет да не попущена:
И не в порý мне-ка разлукушка, не вó-время,
Расставаться с тепло-красным мне-ка солнышком,
И спознаваться со великиим бессчастьицем,
И как живá эта разлука пуще мертвой,
И спородила как родитель меня матушка,

И не участью таланом наделяла,
И знать, злодийныим бессчастьем награждала,
И как на мою да на судимую сторонушку,
И впереди меня, победноей головушки,
И приотправили желанные родители,
Уж как это зло, великое бессчастьице,
И на моей, знать, на судимоей сторонушке,
Уж на этом на крылечике перёноем,
Кругом около злодийно обступало,
Всем беремечком за меня да захватилося,
И как до этого учётна долга годышка,
И до этой до студёной холодной зимы,
Я жила, бедна горюша, веселилася,
И со надёженькой жила да ликовалася;
И не верила ведь добрым того людушкам,
Что бывает-то великая кручинушка;
Уж как сегодняшним учётным-то годышком,
Вдруг ведь сделалась великая невзгодушка,
И мне разлукушка с надежноей сдержавушкой;
И в перелом пришла велика мне кручинушка,
И мать сыра земля подо мной да подгибается,
И от горючих слез следочки заплываются;
И ум-тот разум во все стороны кидается,
И все бессчастны горьки мысли разбегаются.
И я не знаю-то, горюшица, не ведаю,
И не могу да ума-разума применитися,
И уже где да мне кручину разгуляти,
И уж где да мне головушку взвеселити,
И мне куды да ведь от горя подеватися?
Я пойду, бедна, во у́личку рядовую,
И с горя за́йду я во лавочку торговую,
И я куплю да там оружье завоенное,
И с тоски стрѐлю я в бессчастное сердечушко,
И с горя жизнь, бедна-победна, прикоро́таю.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
Воспокинуть-то сердечных надо детушек —
И тут сама того, победна, я сполохаюсь:
И материнское ведь сердце — не звериное,
И детиная тоска — неугасимая,
И лучше по́йду я с великоей кручинушки,
И в тёмны лесушки, горюша, я дремучие,

И со обидушки во мхи да я дыбучие;
И пораздию там великую кручинушку,
И со сердечными со малыми со детушкам.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
И хоть во этыих темных лесах дремучиих,
И там от ветрышка хоть дéревца шатаются,
И до сырой земли древá да приклоняются,
И хоть шумят эти листочики зелёные,
И поют да там ведь птички жалобнёшенько;
И уже тут моя кручина не укатится,
И уже тут мое сердечко не утешится;
И во мхах да ведь все звери поразвоются,
Они господу бладыке порозжалятся —
И я раздумаюсь победным своим разумом,
И также я, бедна горюша, растоскуюся;
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится,
И мне куда с горя, горюше, подеватися?
И стать на горушке ведь мне да на высокие,
И выше лесушка глядеть да по поднебесью?
Идут óблачка они да потихошеньку,
И во тумане пече красно это солнышко,
И во печали я, горюша, во досадушке;
И уже тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится,
И красным солнышком оно да не согреется.
И мне пойти с горя ко синему ко морюшку,
И мне ко синему ко славному Онегушку?
И буйны ветры в чистом поле развеваются
И на синéм море вода да сколыбается,
И со желтым песком вода да помутилася,
И круто бьет теперь волна да непомерная,
И она бьет крýто во крýтой этот бéрежок,
И по камешкам волна да россыпается,
И уж тут моя кручина не уходится,
И уже тут мое сердечко не утешится;
И у меня тоска кручина порасходится,
И на моем да на победноем сердечушке,
И на бессчастноей на зяблоей утробушке,
И постою, бедна, у сúня славна морюшка,
И тут раздумаюсь бессчастным своим разумом:

И на роду́ мне-ка, горюше, знать, уписано,
И на делу́ мне-ка, горюше, доставалося,
Уж как это зло великое бессчастьице:
И сиротать бедной кручинной мне головушке,
И унывать ходить ко си́ню, славну морюшку.
И тут я спомню, тепло-красно тебя солнышко,
И как волна да в синем море росшаталася,
И так же ты, може, надежная головушка,
И ты на ка́рабле в сине́м море шатаешься,
И бури-па́дары, надеженька, пугаешься;
И тут сердечушко мое да разгорается,
Уж как сто́ючи на кру́том красном бе́режку,
Уж как гля́дючи на си́не славно морюшко,
И на этую погоду непомерную,
И на этую волну да страховитую.
И тут раздумаюсь победным своим разумом:
Уж как бедным солдатам мореходныим
И плотно-каменно ретливо наб сердечушко,
Да им ездить в синем славном этом морюшке,
И как на этыих черных больших ка́раблях;
Ой, тошным да мне, горюшице, тошнёшенько;
И мне куда с горя, горюше, подеватися?
И впереди меня кручина не укатится,
И позади меня обида не останется,
И посторонь она злодийна не отша́тнется.

РАССКАЗ МАТЕРИ О ПРОЩАНИИ СЫНА-РЕКРУТА С РОДНЫМ ДОМОМ

Вы послушайте, народ да люди добрые,
И все суседушки мои да спорядовые!
Как утрось было, с поранному по-утрышку,
Как до раннего пету́нья воспеваньица,
И до унылa соловьиного жупляньица,
И красно солнышко в тумане выкаталось;
И добрый мо́лодец с кручинушки ставает,

И со обиды резвы ножки обувает,
И со печали цветно платье надевает,
Горючими слезами лицо да обмывает,
И сговорит да он, победной, таково слово,
И он мне да все родимой своей матушке:
„И бласлови да на сей дéнь меня господний
„И ты, желанная родитель моя матушка“.
И сговорит еще бессчастной дóброй мóлодец,
И он в обидушке, победной, таково слово:
„И я спал да ведь бессчастной дóброй мóлодец,
„И, знать, последнюю господню божью ноченьку,
„И во своей да я во светлой во свéтлице,
„И на этой на тесовой на кроваточке,
„И на своей да на пуховой на перинушке,
„И на этом крýтом складнеем сголовьице,
„И я под теплым соболиным одеялышком;
„И не сном-то коротал да я ведь темну эту ноченьку;
„И думал думушку, бессчастной, во бессоньице,
„И обливался я слезами во кручинушке,
„И ретливо мое сердечко подмывало,
„И бессчастная утроба обмирала,
„И, знать, приходит та пора, да это времечко,
„И как последние часы да со минуточкой,
„И как мне-кова удáлу дóбру мóлодцу
„И наб поехать со хоромного строеньица,
„И разлучиться со родителью со матушкой,
„И порасстаться с родом-племенем любимыим,
„И на век бросить да родиму эту стóрону,
„Ой, тошнехонько, родитель жалостливая,
„Мне бессчастному удáлу дóбру мóлодцу“.
И не поверите, народ да люди добрые:
И не вмоготушку слезливые словечушка,
И не по летушкам великаяознобушка,
Уж как мне, да ведь кокоше горегорькоей;
Вдруг как треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала бессчастная утробушка,
И от тошнá долит великая кручинушка,
И на глазах слéзы у беднушки не ставятся,
И не вмогóту мне се-светное живленьице.

СОВЕТЫ СОСЕДКИ РЕКРУТУ

И ты послушай, спорядо́вой наш суседушко:
И за тебя да все бладыке мы помолимся,
Дал бы господи ведь доброго здоровьица,
И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреньице,
И за твое да за велико доброумьице;
Ведь смиреньице у тя было со кротостью,
И всем челом да было низко поклоненьице;
Ты по уличке ходил да свет тихошенько
И ты головушку носил да понизёшеньку;
Поговорюшка была твоя ровнёшенька,
И сердечушко ведь было не спесивое,
И добрый мо́лодец ты был да не гордли́вой;
Да ты старого суседа не огру́бил,
Да ты малого бладенца не оби́дел,
И буде со́йдешь ты во службу государеву,
И спаси господи уда́ла до́бра мо́лодца
И от побоев-то тебя да от тяжелыих,
И от страстей-властей тебя да страховитыих;
И ты послушай, спорядовой мой суседушко,
И не поставь во гнев, сдово́льной бело́й све́тушко,
Что пона́кажу, кручинная головушка,
И не шали́, да ты там, ди́тё, не сбалуйся-тко,
Не упивайся во хмельны да там напиточки;
И может, даст да господь службу не тяжелую,
И раскрое бог науки все великие,
И тебе да все во службе государевой;
И ты повыслужишь уречны свои годышки,
И, може, судит бог бладыко многомилосливой,
И побываешь да на родиму ты сторонушку,
И с родом племенем, бессчастной, увидаешься;
И издалека да ведь солдаты ворочаются,
И на великиих сраженьицах спасаются.
И еще слушай, спорядовой мой суседушко,
И как катучей этот камень не мохна́теет,
И так походной-то солдат да не бога́теет.

И ты запро́дал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по на́добью.
И как во этой в грозной службе государевой,
И вы придержитесь, победны, притаскаетесь,
И там износится солдатско у вас платьице,
Все притопчутся казенные сапо́женьки;
И вы к начальству появиться не посмеете;
И вам ведь не́ нажить мундеров—сукон серыих,
И вам ведь не́ обуть бессчастных своих но́женек.
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
И не могу дознать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядные суседушки,
И мы тебя да златокрыла я́сна со́кола
И как на сем да мы, горюши, на белом свете.
И хоть через три да вы учетных этих годышка,
И хоть каку, да ни е, весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали:
И вы в какой орде, бессчастны, в коёй земле,
И в сухопутном ли вы, светы, похожденьице,
И у синя́ моря ль вы, светы, на сраженьице,
Аль на кру́том вы ведь, светушки, на бе́режку,
На желты́х песка́х стоите ль на сыпучиих;
И уже где да вы, победны, сохраняетесь,
И от злодиев-неприятелей спасаетесь,
И в раздольицах-степях ли во великиих,
Аль в долинушках, победные, во дикиих;
И упиши́те нам, сдовольны бе́лы све́тушки,
И у ва́с, мо́же, бессча́стных у солдатушков,
И золота казна на тот-час не случается,—
И хитромудры писаря будут призаняты,
Аль не будет у вас вольной столько волюшки;
И тут приде́ да как разли́вна красна вёснушка,
Как повытают снежочки со чиста́ поля,
И повынесе ледочки со синя́ моря,
И будут ко́рабли в синем море шататися,
И вы на ко́раблях, бессчастные, скитатися,
И там увидите да малу эту птиченьку.
И как летит она в родиму вашу сторону,
И понизёшеньку вы птице поклонитесь-ко,
И пословечно перелётной накажите-тко,

И все ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному,
И со обиды об солдатскоем живленьице;
И мы глядеть будем, кручинные головушки,
И на печальну перелётну малу птиченьку,
И коя ле́тит ниже облачка—низёшенько,
И она машет столько крылышком тихошенько,
И она го́лосом ведёт да унылёшенько,
И она жа́лобно ведь птичка разговаривае,
И она бьет челом тут нам да поклоняется,
И пороска́же тут печальным нам головушкам:
„И лечу птиченька с-за гор я с-за высокиих,
„И с-за лесушков лечу да с-за дремучиих,
„И я со дальноей со чужой со сторонушки,
„И с-за славного с-за синего с-за морюшка,
„И мы ведь летячи дорожкой приустали,
„И в синем морюшке корабль да увидали,
„И на спокой да мы на отдых становилися,
„И мы на корабли на мачты тут садилися,
„И много у́жасно солдатов мы смотрели;
„И как один столько солдатушко бессчастной,
„И он по кораблю солдатушко похаживает,
„И он печальну меня птиченьку высматриват:
„И ты откуль лети́шь ведь птица, куда путь держишь,
„И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
„И ты лети да эта птиченька тихошенько,
„И ты ведь сле́тишь на родиму мою родину,
„И ты под сиверну холодную сторонушку,
„И ты за славное за сине за Онегушко,
„И увидашь моих желанныих родителей,
„И всех спорядных моих да ты суседушек;
„И скажи низкое поклонно челобитьице,
„И от меня, да от солдатушка бессчастного“.

ОБРАЩЕНИЕ РЕКРУТА К БРАТЬЯМ С ПРОСЬБОЙ О ПОМОЩИ ЕГО СЕМЕЙСТВУ

Уж вы слушайте-тко, братьица родимые,
И хоть я сойду-то во службу государеву,
Не наемщичек иду да не охотничек,
И не забравши золотой казны бессчётноей,
И не запродавши бурлацкую головушку;
Я за вас иду ведь братьицев родимых,
И так воспомните-тко, братьица родимые,
И не обидьте сироту да молоду жену,
И все после меня бессчастна добра молодца
И приголубьте-тко сердечных моих детушек,
И воспитайте их до полного до возрасту,
И не спустите-тко по миру их крещоному.

ПРИЧИТАНИЕ РЕКРУТА

И как у нашего хоромного строеньица,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да точеного,
Как подогнаны ступистые лошадушки,
И под меня, да под бессчастна добра молодца;
И все извощички крестьяна полномочные,
И челом бьют да мне-ка судьи поклоняются,
И со мной диют они доброе здоровьице.
И как до сегодна учётна долга годышка,
И в моем поросту было в возрастаньице,
И не знали меня добры эти людушки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись;
И столько знать да стали добры эти людушки,
И примечать стали судьи да правосудные,
И как брать надо во службу государеву.
И охти мне да добру молодцу тошнешенько,

И дай волю-те-тко, судьи да правосудные,
И снаровите-тко вы власти милосердные,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мне проститься со хоромныим строеньицем
И во дворе да со любимоей скотинушкой,
И во конюшеньке проститься с конем добрыим.

ПРОЩАНИЕ С СЕЛОМ

И вы послушайте, удáлы добры молодцы,
И уж вы милые любимы поровечники:
И да вы спойте хоть унылу ему песенку,
И взвеселите вы скачоную жемчужинку,
И ты пройди да ведь удáлой доброй мóлодец,
И по прогулушке по ши́рокой по уличке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьице;
И да мы пóглядим, печальные головушки,
И как ведут да дружьё-братьица приятели,
И как тебя, нашу скачоную жемчужинку,
И под бессчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатску жалку песенку
И уласкают-то скачоную жемчужинку;
И с деревенскиим селом, да свет, прощается,
И сговорит наша скачоная жемчужинка:
„И ты прости, прости, село да деревенское,
„И прости, уличка бурлакушка рядовая,
„И все суседушки, простите спорядовые,
„И вы простите, все старушки стародревние,
„Меня малые бладенцы недоросточки,
„И да вы вдовушки, простите-тко, победные,
„И меня горькие бессчастны вы сироточки;
„И как ходил я по прогульной этой ýличке,
„Я не впервое прошел, бурлак, последнее,

„И проторил да эту малую тропиночку,
„Я до матушки теперь да до сырой земли;
„И от меня да от дороднядобра молодца,
„И от злодейской от великой от кручинушки,
„И мать сыра земля теперечко шатается,
И от горючих слёз следочки заплываются.

12

ЖАЛОБЫ РЕКРУТА НА ПЛОХОЕ К НЕМУ ОТНОШЕНИЕ

И спасет бог, да сдвуродима мила тётушка,
И на твоем складне-умильном причитаньице,
И на твоих да на россказах правосущиих.
Уж как я да розбесчастной доброй молодец,
И безталанная победная головушка,
Я в бессчастный день во середу засиян,
И в бесталланной день во пятницу в спорожен,
И я солдатушком в купели ведь окупан,
И во казенныи во людушки возрощен;
И меня в зыбоньке солдатушка качали,
И вдвое-втрое тут мни горя накачали;
И уж я взрос да на катучем синем камешке,
И к завоенному оружьицу воскормлен,
И на измену светам-братьицам родимыим;
И от бладости во радости не бывано,
И от рожденьица веселых дней не видано;
И не видал да я великого желаньица;
И от родителя-родимой моей матушки;
И не слыхал да я прелестныих словечушек,
И от своих да светов братьицев родимыих:
И поровечники ведь мни были не подружье:
И подойду я к ним удалой доброй молодец,
И во глаза-то мни оны да прелещаются,
И по-сторонь оны „служивым" нарекают;
И говорят да там суседи спорядовыи:
„Не участник он участков деревенскиих,

„И не до́льщик он крестьянского ведь полюшка,
„И не косец да на луговых буде по́женках;
И во глаза лестят дружьё-братья приятели,
И по заглазью-то оны да спроговаривают:
„И, вон казенный-то солдатушко похаживае,
„И горемыка-та удалая погуливае.
И подойду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да мни, бессчастну, не весельице:
И красны девушки миня да сторонилися,
И быв чужанина миня да положилися.
И вдруг подреже тут победно ретливо сердче,
И пустылая родима каже родинка!
И еще слушай же, родитель-мила тетушка:
И ты пойди со мной ко городу Петровскому,
И да ты по́гляди, родитель-мила тётушка,
И как в злодийной ведь палате белокаменной,
И нас до-гола победных роздевать будут,
И становить станут под меру государеву,
И принимать станут бессчастных добрых молод-
цев
И во злодийную во службу государеву;
И станут брить да наши жолтыи кудёрышки,
И приберёшь моя родитель-мила тётушка,
И мои жолты молодецкии кудёрышки,
На доброумьице себе, на погляженьице,
И на розднии себи великоей кручинушки;
И ты увидишь тут, родитель-мила тётушка,
И как нас сводят в божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уреченную,
И служить да верой правдой нам солдатушкам,
И без измены то царю-богу руссийскому,
И тут повысмотришь, родитель-мила тётушка,
И как водить станут бессчастныих солдатушков
И приучать да ко оружиям завоенныим,
И нас ко этым пистолетам зарукавныим;
И как съедешь на родиму нашу сто́рону,
Порасскажешь многим добрым столько людушкам
И всим приближним спорядовыим суседушкам.
Не ясен сокол с тепла гнезда слетает,
И добрый мо́лодец из дому поезжает,
Не отец и не мать рекру́та провожает,

Провожала душа, красна девица,
И названа его родная сестрица;
И на поизде таково слово сказала:
И не куют хоть у бурлака ноги резвыи,
Все во саночки садят да во дубовыи,
И лошадей пару кладут коней вороных,
Ему извозчиков дают да не по разуму,
И ко городу везут да ко Петровскому,
И во полатушку ведут да в белокаменну,
И становят его под меру государеву,
И принимают-то во службу государеву,
И тут на стульица садят да на кленовыи,
И вершала берут теперь да бритвы вострыи,
И оны бриют у его да кудри желтыи;
И волоса его падут да на дубовый пол,
И подбирае волоса да родна матушка.
Быдьте прокляты злодии-супостатыи.
Вергай-скрозь землю ты, нехресть вся поганая;
И секите вы кудри поскоряя,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брийте его да побеляя;
Охти-мни, да мне тошнешенько.
И кабы-мне да эта бритва навостреная,
И не дала бы я злодийной этой некрести,
И над моим ноньку рождением надрыгатися;
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я выняла бы сердче тут со печенью,
И распластала бы я сердче на мелки куски,
И нарыла бы корыто свиньям в месиво;
А и печень я свиньям на уеданьице.

СОЛДАТСКИЕ

1

ПРИЧИТАНИЕ СЕСТРЫ СОЛДАТА ПРИ ПРОВОДАХ СОСЕДА-РЕКРУТА

Я стою, гляжу, кручинная головушка,
И што в потай рушу, победна, горючи слезы,
И не попущу да я, кокоша, жалка го́лоса,
И я обидной горькой причети солдацкой;
И подивуют мне-ка добры эты людушки,
И посрекаются спорядны вси суседушки;
Я сестра, видно, стою да ведь безбратняя,
И, знать, сердечушко мое да беспечальное;
И у меня ведь у победной у головушки
И йедина также скачоная жемчужинка,
И едино́утробной, светушко́-братец родимой,
И также отдан в грозну службу государеву;
Уж как третей-то учётный иде годышек,
И как я да была в городе Петровскоем,
И хоть недолгой я поры да была времечки,
Хоть одну жила уречную неделюшку,
И насмотрелась на бесчастных я головушек,
И на победну, горьку жизнь да я солдацкую,
И не дай, господи, на сем да на белом свете,
И глядить-смотрить на подстрильных ясных со́колов.
И отрешены-то от добрых оны людушек,
И приотрекнутся от сродчев оны сродничков.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И как похаживат наш сдовольной белой светушко,
Уж как милой спорядовой наш суседушко
И он по доброму хоромному строеньицу,
И как тоскует-то ретливое сердечушко,
У дорогой милой скачоноей жемчужинки.
И мне-ка смить ли-то, печальной головушке,
И подойти, бедной горюшице, близёшенько,
И наложить свои бессчастны белы рученьки

И на победны молодецки твои плечушки,
И на бесчастну молодецкую головушку:
И не огонь иду, горюшица, не обпалю,
И не змея иду, победна, я не оклюну.
И сама по-себе, горюша, разуметь могу,
Я по светушке по братце разумию вас:
И жаль росстаться с молодецкой вольной-вóлюшкой,
И роспроститься со родимой со сторонушкой.
И ты послушай, спорядовой мой суседушко:
И не радию я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе государевой;
И возврати господи скачоную жемчужинку,
И тебя взад да на родимую сторонушку,
И большаком да тебя в дом-то настоятелем,
И тебя пахарем на чисто взад на полюшко
И сенокосцем на луговыи на поженки,
И севчем да на роспашисты полосушки,
И рыболовушком на сине на Онегушко,
И как тобя, да тепло красно наше солнышко,
И наша милая свеща не топлёная,
И сожалиют вси спорядныи суседушки
И за твои да за умильныи словечушка:
И как смиреньице у тя было со кротостью,
И ты не плут да был ведь—свет-то—не разбойничек,
И красным девушкам ведь ты да не насмешничек,
И молодым женам ведь ты да не проказничек,
И как мужниим-то жóнам не стыдитель был—,
И долгих вечеров, наш свет, да не просиживал
И тёмных ноченек, наш свет, да не прогуливал,
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тобя да златокрыла-ясна сокола:
И нынь под тученькой ты ходишь гряновитоей,
И ты под облакой ведь е да страховитоей.
И ты думаешь бессчастным своим разумом,
И возрачусь да на родиму, може, родинку;
И ты послушай-ко, скачоная жемчужинка,
И не поставь во гнев, сдовольной белой свéтушко:
И буде господи-бладыко не помилует,
И от злодийной тобя службы государевой,

И ты пойдешь да во солдатушки походныи,
И ты во дальную путь-широку доро́женьку,
И в безызвестну незнакомую сторонушку,
И я понака́жу, печальная головушка,
И как тобе, милой спорядной мой суседушко:
И не случится-ль тобе слышать —
И там про братца про родимого
И увидать мою скачоную жемчужинку;
И во еди́ной во казармы, може, со́йдетесь,
Иль на стретушке, бессчастны, може, стрититесь.
И да вы ду́-друга, победны, приузнаете —
И за одним, може, столом да вы там будете,
И, може, сядите за стол, да против ду́-друга —
И вы на ду́-друга, победны, усмотри́тесь-ко,
И потихошеньку ведь вы разговоритесь-ко:
„И с коей сто́роны, солдат, какой губеренки,
„И сколько лет слу́жишь во службе государевой,
„И ты которой год в солдатушках походныих?
И тут вы ду́-другу, победны, пороскажитесь,
И вы, бессчастны тут солдаты, поросплачетесь.
И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милоей скачоноей жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьице,
И ты, скажи еще, сдовольной белой светушко:
И таки-ль гнев несе скачоная жемчужинка,
И все на нас да на печальныих головушек,
И што не пише скорописчатой он грамотки,
И не упише свою жизнь бедну солдацкую;
И таки-ль нет да ему во́льной столько волюшки,
Иль на письмо нет золотой казны бессчетноей,
И нет попутьщичков оттуль, видно, ходаталей.
И ты поро́скажи, спо́ряднов мой суседушко,
И што не знаем мы, горюшицы, не ведаем,
И во какой орды, наш свет, да во какой земли;
И што по утрышку его мы воскликаем,
И по вечерниим зарям да вспоминаем.
И ты скажи, да тепло красное мое солнышко:
И как тоскую я по братце по родимоем;
И кабы мне-кава, печальноей головушке,
И были крылышки горюше бы гусиныи,
И были по́лёты, победной, лебедины бы,

И я бы справилась, горюша, поднималась,
И выше лесушку, победна бы, дремучего,
И на безродну бы на чужу на сторонушку,
И я во дальны города бы незнакомыи;
И облетела всю Русию подселенну бы,
И повзыскала бы скачоную жемчужинку,
И на пути да во солдатушках походныих,
Я по этым бы казармам по казенныим,
И по часовенкам искала бы на спасеньи,
И по зеленым лугам да там на-стра́женьи;
Я слетала бы за сине за Онегушко,
Я во это в океян да сине морюшко,
Повзыскала бы по чорным бо́льшим ко́раблям,
И я по этым берегам да незнакомыим,
И признавала б светушка братца родимого,
И по солдацкому бессчастну белу личушку,
И по печальным его ясныим по очушкам,
И по обидным по солдацким розговорюшкам.
И знаю-ведаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-бессчастную.
И как в три-годы резвы ножки притопталися,
И все солдацки сапожонка придержалися,
И по походушкам мондеры притаскалися,
И заболели-то солдацки его плечушка,
И столько носятца ранчи эты казенныи;
И подрожали, може, белы его рученьки,
И столько держачи оружьица военныи;
И притомивши-то, скачоная жемчужинка,
Уж он ходячи, нам свет, да по походушкам,
И он стоячи, победной, каравульщиком
Все у этыих замков да у казенныих,
И еще слушай же, спорядной мой суседушко,
И ты скажи светушку братцу родимому:
И как посли его, скачоноей жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жирушка,
И издержалась золота казна бессчетная.
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:
И хотя ж есть да сватушки братцы родимыи,
И все не спацливы к солдатушку бессчастному;
И как в злодийну его службу приотправили,
И прозабыли его братьица родимыи,

И не распродают любимоей скотинушки,
И не пришлют да золотой казны по надобью,
И на расход ему солдатушку бессчастному.
И сдай-волю, да спорядовой мой суседушко,
И мни пороссказать про службу государеву,
И што я видела, печальная головушка,
И как была да я во городе Петровскоем,
И отпускали как солдатушков бессчастныих,
И их во партии, победных, во собраной,
И как идут путем да широкой дороженькой,
И оны в дальную орду да безызвестную,
И как с паранному было бы все по утрышку,
И приходили эты дядьки-то со старшима,
И оны прошли по казармам по казенныим,
И оны громко всим солдатушкам сказали:
„И вам отправка сего-денечка господнего,
„И вам со города теперь да со Петровского,
И как у этых у солдатушков бессчастныих,
И в крепкой сон да у солдатушков не забраноcь;
И тут повыстали солдатушки победныи,
И как со этых оны коек со казенныих,
И не ключевоей водой да умывалися,
И как не в бело полотно да утиралися,
И умывались солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великоей обидушкой,
И обували сапоженки тут казенныи,
И на плечушки шанельчишки походныи,
И крепко- накрепко сердечко подтягали;
И приходили хотя дядьки-то со старшима
И их повывели на широку на уличку,
И их в шариночку солдатов становили,
И по единушке солдатов выкликали,
И во походныи солдаты назначали;
И как в шариночке, победнушки, стояли,
И уж так да камендеры надрыгались:
И как стояли бы, солдатушки, прямёшенько,
И глядили бы, бессчастны, веселёшенько,
И белы рученьки был б да пороставлены,
И в иедину струну бы ноженьки наставлены;
И говорили бы солдаты умильнешёнько,
И привыкали бы к ученью хорошохонько.

И насупротив стоим, победны мы головушки,
И по близёшеньку ведь нас не подпущают,
И как злодии-камендеры скрозекозныи;
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах;
И нет креста-то ведь у их да на белой груди,
И не в могуту им умильно причитаньце,
И им не по-сердцу горючи наши слезушки;
И как приставлены судьи да все немилосливы,
И тут привозят они бочки с ключевой водой,
И тут над намы-то оны да надрыгаются;
И как начальнички стоят да там не русскии,
И как судьишечка ведь там не новгородскии;
И велят оны из труб да все пожарныих
И нас окачивать победныих головушек,
И все тушить пожар в ретливыих сердечушках:
Ой, тошнёхонько победным нам головушкам;
И не в моготу нам со-светное живленьице
И все от этыих властей да страховитыих,
И все от этыих судей да скрозекозныих.
И при последи-то, походе — этой времечке,
И как на нас да на победныих головушек
И быдто белочки солдатушки поглядают.
И быв упалы серы заюшки посматривают,
И не посмиют-то удалы добры молодцы,
И с ноги на-ногу оны да все переступить,
И скинуть ясныих бессчастных своих очушек,
И все на нас да на печальныих головушек,
И у которых е желанны хоть родители,
И у которых е сестрицы хоть родимыи.
И хотя ж клубышком, горюши мы, катаемся,
Хотя червышком бессчастныи свиваемся,
И не повиря нам победныим головушкам,
И столько этыи власти немилосердныи.
И жаль тошнёшенько победным нам головушкам
И своих милыих скачоных нам жемчужинок;
И на три ряд наше сердечко прирострескае,
И на четыре ряд утроба перелопала,
И столько глядячи на братьицев родимыих,
И подходить стали судьи неправосудныи,
И как ко этыим солдатам новобраныим,

И наливали тут по чары зелена́ вина
И оны в музыку злодии заиграли,
И барабанщик барабан да пробивает;
И сговорят да тут судьи не правосудныи:
„Марш! В поход пойти бессчастныим солдатуш-
кам“.
И позади пошли, победны мы головушки,
И мы не знаем то, кокоши горегорькии,
В кую путь пошли широкую дороженьку;
И сговорят да тут судьи неправосудныи:
„И вы прибравыи солдатики молодыи
„И вы по городу пойдете по Петровскому
„И мимо славную палату енеральскую
„И вы пойдите новобраны веселёшенько,
„И пойте писенку, походны, умильнёшенько;
И столько диется солдатушкам бессчастныим,
И им писенки запить да не хотелось бы;
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка;
И впереди идут все дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщички,
И середи да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слёзы поют жалку оны писенку,
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногама-то выступывают,
И ретливо сердчё ведь кровью запечатано.
И не дай, господи, на сем да на белом свету
И роставаться-то со братьицем родимыим,
И отпущать да во солдатушки походныи!
И не глядили бы победны ясны очушки,
И на бессчастное житье да на солдацкое,
И на слезливо их, победныих, расставаньице.
И как жива эта разлука пуще мертвой;
И не родила бы, побе́дна я головушка,
И я не роду бы крещеному, не некрести,
Как ходить да по солдатушкам походныим,
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день, да кое темная де ноченка;
А во горях, бедна кокоша, во кручинушке,
И по сырой земле, горюшица, каталася.

И сговорила тут скачоная жемчужинка,
И мой бессчастной светушко братец родимой:
„И ты прости, прости сестрица свет-родимая,
„И ты во всей вины прости да во всей глупости.
И сговорил да еще, красно мое солнышко,
И со прабой руки подал да мни злачон перстень,
И от сердечка опояску новгородскую,
И со кормана он платок да левантеровой,
Вси подал да он утехи молодецкии;
И сговорил да при-последи таково слово:
„И я дарю тебе, сестрица свет родимая,
„Я на память-то, сестрица, свой злачон перстень
„На доброумье опояску новгородскую,
„И ни роздий тебе великоей кручинушки,
„И со кормана я платок да ливантеровой;
„И спамяти меня, сестрица свет родимая,
„И ты гляди да на последнии подарочки,
„И точно на меня удала добра молодца;
„И ты держи эты любимыи подарочки
„И да ты в день держи на белых своих рученьках,
„И да ты в ночь ведь у ретливого сердечушка,
„И мой злачон перстень держи, бедна, по праздничкам,
„И прилагай, бедна, ко блёклому ко личушку,
„И прижимай да ко бессчастну ретливу сердчу.
Уж вы слушайте народ да люди добрыи!
Как прощалася, победна, расставалася,
Я со светушком со братцем со родимыим,
И мы плотнёшенько ко сердчу прижималися,
И во сахарнии уста да целовалися;
И сговорил еще, скачоная жемчужинка,
И с горя малое единое словечушко:
И он челом бил, мой ведь свет, да низко кланялся,
И он до матушки, наш свет, да до сырой земли,
Ужо всим в купи спорядныим суседушкам,
И он воздал да всим спасибо с благодарностью.
И он за ваше за великое желаньице.
И буде, вирите, народ да люди добрыи,
И не могу забыть, кручинная головушка,

И я про слезное со братцем расставаньице,
И я про бедное солдацко похожденьице,
И я не в день забыть, не в темну ночь осеннюю,
И поглядите многи добры столько людушки,
И вы на этого бессчастна добра молодца
И вы на этого суседа спорядового!
И он тонёшенек теперь да как тетивочка,
И молодёженек наш свет, да как травиночка,
И зелена́ стоит быв он деревиночка,
И не доро́сла как кудрявая рябинушка,
И не дозрела борова да ягодиночка.
И молчи-то-ко, спорядной мой суседушко:
И как ты со́йдешь-то во службу государеву,
И на словах да ты, бессчастный, все простёшенек,
И умом-разумом, победной, ты глупёшенек,
И ты потыченья, победной, наувидишься,
И ты поу́шенья, бессчастной, напринима́шься;
И тут избита-то бессчастна будет спинушка,
Всё подбиты будут я́сны твои очушки,
Исколочена бессчастна буде го́лова,
Как подсечены ведь резвы будут ноженьки,
И придосажено ретливое сердечушко,
И приобижена бессчастная утробушка;
И в темном лисе-да ты зверя устрашился бы,
И в чистом поле да ты змея убоялся бы;
И в злодийной этой службы государевой
И не начаешься — ты горя накачаешься,
И не надиешься — обидушки навидишься;
И не взначай да́ получать будешь поу́шенья,
И ты не знашь за што побои превеликии.
Уже ой — да горе служба государева:
И как еденьице вам буде ведь скотиное,
И точно, питьице, победным, лошадиное:
Уеданьице — вам будут ведь сухарики,
И вам питемьице-то во́душка со ржавушкой;
И хоть не великую вину вы провинитесь,
И нету милости, бессчастным, нет прощеньица;
И под бока станут солдацкии потыкивать,
И подобьют да ваши я́сны эты очушки,
И победную бессчастную головушку,

И дают розги во бессчастны ваши плечушки,
И уже бьют да так бессчастну вашу спинушку
И страшно-ужасно ведь палкама великима,
И вам не сто дают ведь разом целу тысячу;
И тело с мясом у бессчастныих смешается,
И как из плеч да ручьем кровь-то разливается.
И как от этыих побоев от тяжолыих,
И тут бессчастна бы головка не клонилася,
И тут солдацкое бы сердче не корилося,
И на-б повынести могучим вашим плечушкам,
И эты смертныи побои да тяжелыи,
И на-б повытерпеть бессчастному сердечушку,
Уж как всю эту обиду преужасную;
И тут утробушка у вас не унывала бы,
И горючи слезы у вас не протекали бы,
И как пред этыим начальством пред всевышниим,
И как пред этыим злодием супостатыим;
И веселым на-б быть, победным, не смеятися,
И при обиды вам, несчастным, не росплакаться;
И межу собой начальники смущаются,
И над бессчастныма солдатам изъезжаются.
И не поставь во гнев, спорядной ты суседушко,
И што жалобно, горюша, причитала,
И про злодийну грозну службу россказала;
И хоть я не-была во службы государевой,
И не ходила по походам я солдацкиим,
И столько была я во городе Петровскоем —
Я одинова со братцем со родимыим,
Хоть одну была уречную неделюшку,
Я навиделась, победная головушка,
И насмотрилась на солдатов, новобранныих,
Как ходили на ученьице великое;
И хотя-ж ветрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозама крещенскима
И все неверны камандеры страховитыи,
И столько этыих солдатушков молодыих
И приучали ко оружию завоенному,
И штобы вдруг ровно направо повернулися,
Што б в минуточку оружья перекинули;
И их повыстанет — шириночки казенныи;
И плечо с плёчом ровно бы у них ровнёшенько,

И буйна го́лова была б у их прямёшенька;
И отойдут да камандеры тут ведь ротныи,
А оны впрям глядя́ по плечушкам могучиим,
И оны вточь глядя́ по буйной по головушке;
И новобраныи солдатушки бессчастныи,
И все к оружьицу оны не применилися.
И оны в вытяжку стоять да не навыкли,
И поворотушков держать да не умиют;
И горячи да эты ротныи-свирепыи,
И отдали да оны скоро поразойдутся,
И закричат оны злодии по-звериному;
И как этыих бессчастныих солдатушков
И оны ткнут да все во правое во плечушко;
И как у этыих солдатушков бессчастныих,
И со ясных очей да слезы вдруг повытекут,
И как у нас да у печальныих головушек
И обмират наше ретливое сердечушко,
Уж как глядячи на скачоныих жемчужинок;
Хоть в бело́ личё дуют буйны эты ветрышки,
В я́сны-о́чи бьет погода непомерная,
И никуды, бедны солдаты, не увернешься,
И по фатерышкам, бессчастны, не разойдешься;
И от снежку да зябут резвы у их ноженьки,
И от оружьица бессчастны ручки белыи,
И от морозушку сердечко перетрескает,
И не одеты там собольи белы шубоньки,
И одны только мундеры сукон серыих;
И у их здрагиват бессчастно тело белое,
И мне-ка жаль того победноей головушке:
И лучше я, бедна горюшица, радела бы,
Ему скорую злодийну бы смерётушку,
И отпустила бы, горюша, во сыру землю;
И тут не ржавело бы победно ретливо сердче,
И где таскается бессчастно наше дитятко,
Иль зябет да по студеной он по зимушке;
И летной по́рой на дождях стоит сыпучиих,
И на страстя́х може, све́тушко, на у́жастях;
И мое трескае ретливое сердечушко.
Ой, бессчастныи солдаты, не таланныи!
И как у вас да у победныих головушек,
И без угару разболится буйна го́лова.

И от побоюшков у вас да от тяжолыих;
На-б бояться-то судей неправосудныих,
И покоряться на-б властям немилосердныим,
И подрожать да вам кажинную минуточку.
И буди проклято на сем да на белом свете —
Уж как это зло великое несчастьице,
Все злодийное проклято бесталаньице —
Уж как эта грозна служба государева.
И трудна́-тя́жела ведь служба государева:
И день и ночь служить солдатушкам бессчаст-
ныим;
И нет спокою-то ведь темной этой ноченькой,
И нет отдоху на бладычны божьи праздничков;
Дробить на-б, как начальству-то являтися;
Штоб мундеры сукон-серыих наглажены,
Как оружьице все было бы начищено,
И сабли вострыи все были бы насвѐтлены,
И плотно на́-плотно ведь были б подпоясаны.

2

ПРОСЬБА СОЛДАТКИ ПОЗАВОТИТЬСЯ О ДЕТЯХ ВО ВРЕМЯ ЕЕ ПОЕЗДКИ К МУЖУ

И покорю, бедна́, сердечушко покорное,
И я победную головушку поклонную,
Я ко милым свѐтам братцам богоданныим,
И при тоби корюсь, надёжная головушка,
И при собранныих корюсь да сродчах сродничках,
И при всих да при спорядныих суседушках:
И не спокиньте-тко победную головушку,
И не обидьте-тко сердечных малых детушек;
И хоть я съеду, бедна, к городу Петровскому,
И со своей милой, надежноей с дершавушкой,
И поостанутся сиротны наши детушки,
И во своем да тепловитом оны гнездышке:
И малёшеньки ведь детушки, глупёшеньки,
И как не ведают бессчастны сиротиночки,

Как про эту про великую невзгодушку,
Што разлукушка с родителем со батюшкой,
И расставаньице с великиим желаньицем.
И не спокиньте-тко сирот вы бесприютных,
И да вы грубыим словечком не грубите-тко,
И от дубова вы стола не откажите-тко.

3

ПРИЧИТАНИЕ СОЛДАТКИ ПРИ ВСТРЕЧЕ С МУЖЕМ, ПРИШЕДШИМ НА ПОБЫВКУ

Как на моих да новых сенях решотчатых,
Сего денечка теперь да ведь господнего.
Из-за гор да красно солнышко выкатается,
Из-за облаки светёл месяц является;
И веселым нынь-ко хоромное строеньице,
И нонь я радостна, солдаточка бессчастная;
И тут я шла, бедна́ горюша, поскорёшенько,
И говорила бы, горюша, суровёшенько,
И возбудила бы сиротных малых детушек.
„Уже станьте-тко, бессчастны малы детушки,
„И да вы до́ждались великое желаньице
„И вы спацлива родителя в дом батюшка;
И тут повыду на крылечико перёное,
Я со радости, горюша, да весельица;
Я возрадую спорядныих суседушек:
„И вы не знаете, суседи спорядовыи,
„Што я ве́села сего-дня — сего де́нечка,
„И объявилася скачоная жемчужинка,
„И моя милая надёжная головушка.
„И как со этой грозной службы государевой;
„И не купчем ведь он пришед да не торговыим.
„И он ко мни пришел ведь гостюшком любимыим.

СОЖАЛЕНИЕ МАТЕРИ О ТОМ, ЧТО НЕ ОТКУПИЛИ СЫНА ОТ СОЛДАТЧИНЫ

Да ты слушай же, сердечно мое дитятко:
И не на службу ведь тебя я спородила,
И не на горе я тебя ведь поженила;
И знать, судьба твоя ведь, дитятко, бессчастная,
И горька жизнь да уписалась неталанная.
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко:
И как стояла у полаты белокаменной,
И как была я у принёму государева,
И подломились там ведь резвы мои ноженьки,
И подрожали там бессчастны мои рученьки,
И приужахнулось ретливое сердечушко,
И я не видла-то, победна, свету белого;
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко:
И мне-ка все ровны сердечныи ведь детушки,
И однокровны ведь дети́, единоутробны.
И глупо сделала, печальная головушка,
И я схватилася, победная, позднёшенько.
Уж как приехала со города Петровского,
И не глядить бы на любимых твоих братьицев,
И не жалить бы ведь крестьянской этой жирушки,
И нам нажить бы золотой казны по надобью;
И мы бы при́брали ведь светушка-охотничка,
И мы бы вольного уда́ла добра мо́лодца:
И он окинулся б на золоту казну бессчетную,
И он на этыи на винныи на чарочки,
И он на цветное, бурлацко бы на платьице,
И на гулярну молодецку бы покрутушку;
И он сменял бы красоту свою, хорошество,
И он на эты бы на винныи на чарочки;
И заменили бы уда́ла добра мо́лодца,
И нашу милую скачоную жемчужинку,
И не спустили бы во службу государеву.
И побранили меня добры эты людушки,
И меня милыи спорядныи суседушки,
И за тебя, мило сердечно мое дитятко,
И вси жалили спорядовыи суседушки,
И дорогу милу вербу́ да золоченую.

И как послú тебя, сердечно мило дитятко,
У нас дом-житье теперь да изменилося:
И недорос да ведь довольным пошел хлебушкам,
И у нас нá двори ведь е да не плодилося,
И золота казна у братцев не скопилася.
И я проглупала, победная головушка —
И я послýхалась ведь братьицев родимыих,
И пожáлела я крестьянской этой жирушки.
И как обидели, сердечно тебя дитятко:
И хоть в поход дитё да отправляли,
И золотой казной ведь тут не наделяли.
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко:
И знать, судинушка по бережку ходила,
И знать, с оружьицем судьба да с завоенным,
И с пистолетиком она да зарукавным.
И знать, сустигло зло великое бессчастьице,
И на пути тебя на шúрокой дороженьке,
И на прогулушке на шúрокой на уличке,
И сустигало зло велико бесталаньице.
И натомился ты во службы госýдаревой,
И наскитался ты по чýжоей сторонушке,
И по дáльныим походам незнакомыим,
И наносился ты оружьицев пудовыих
И на победныих солдацких своих плечушках.
И кабы знала я, горюша, про то ведала,
И про твою судьбу теперь да про бессчастную,
И с малолетства ведь тебя не обижала бы,
И ведь роботушкой тебя не огружала бы:
И мы бы дали ведь слободну пору-времечко,
И быдто вольному рекрутику нанёмному;
И добры кони тебе были бы обседланы,
И при седелышках ведь е да при черкасскиих,
И как росписаны дуги были заложены,
И как шелкóва тебе плеть была б подавана,
И ты бы холост был, дитё, да не женатой;
И ты бы éздил пó бладычным по праздничкам,
И взвеселял бы свою бýйную головушку;
И я не знала то, горюшица, не ведала,
И про твою судьбу, дитё, да про бессчастную,
И што ведь жизнь буде тебе да неталанная,
И што ведь сóйдешь ты во службу государеву.

И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко:
И как с тобой да я, победна, расставалася,
И я во ту пору, горюша, в тое времечко,
И не страшилась я, победная головушка,
И со тоски да во сыру землю вкопатися,
И со кручины во темном лесе заблудитися,
И во мхах этых дыбучих загрузитися.
И столько слушай же, сердечно мое дитятко:
И не начаюся, горюша, я печальная,
И за столом тебя, победна, сыто едячи,
И на тесовой кроватки долго выспяци.
И теперь ходишь ты, сердечно мило дитятко,
И при обидушке ведь ты да при кручинушке;
И не подашь виду печальным нам головушкам,
И не даешь тоски, великоей назолушки,
И мне победноей, бессчастноей теперь матушке,
И ты печальноей горюше, молодóй жены;
И замечаем мы, бессчастныи гол вушки:
Хоть по мостиночке идешь да, свет, скорёшенько,
И ты отвéрнешься от нас да суровёшенько,
И проливашь да ты бессчастны горючи́ слезы,
И утираешься платочком кашемировым,
И говоришь с нами хоть, свет, да веселешенько,
И уговариваш печальных нас головушек:
„И вы не плачьте, мои милы, не тоскуйте-тко".
И ты послушай же, сердечно мое дитятко:
И для чего ж от нас ты, светушко, туляешься,
И вопотай да ты слезами обливаешься?
И тебя ль путь да страшит дальная дороженька,
И тебя страх да долит служба государева,
Аль оружьица страшат тебя пудовыи,
Аль ученьице страшит тебя тяжелое?
И хоть ты ходишь-то, скачоная жемчужинка,
И на усталыих бессчастных рéзвых ноженьках,
И поджимашь часто ретливое сердечушко,
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я детúна, бедна мать, смотрю солдацкая;
И на сердечное болезно тебя дитятко:
И бытдо деревцо ты ходишь подсеченое,
И вроде вёшная земля да ворошоная,
И быв как лежная трава да подкошоная,

И точно рыбина во сетку изловленая;
И хоть ты на́ своей родимой на сторонушке,
И во своем доме крестьянскоей во жирушке,
И хоть в любимом ведь у нас да во гостибище, —
И быв под тученькой ты, свет, да гряновитой,
И как под облачкой ты, свет, да страховитой,
И под злодийноей неволей под великоей.
Вот по утрынку, горюшица, ранешенько,
И подходила я, кручинная головушка,
И все к тебе, милой, скачоноей жемчужинке:
И потихошеньку я двери отперала,
И тихо-кротко я к кроватке подходила,
И поглядела на сердечно тебя дитятко,
И от крепка да сна, горюша, не будила;
И все я думала, печальна родна матушка:
„И крепко спит мое рожоно мило дитятко".
И наложила я бессчастны белы рученьки
И на солдацку белу грудь да заслужоную,
И на твое да на печальное сердечушко:
И твое бьется все победно ретливо́ сердчё,
И не в покое все бессчастная утробушка;
И ясны очи темной ноченькой заплаканы,
И как слезамы тут сголовьице измочено.
И у меня, да у бессчастной родной матушки,
И крепко со́вьется бессчастно ретливо́ сердче,
И об теби, да об сердечном милом дитятке.
И могу знать-ведать, печальная головушка:
И столько думаешь, победный, думу крепкую,
И помышляешь путь, широкую дороженьку,
И думу думаешь о службе государевой.
И я погладила по бладой тут головушке,
И я припала тут ко блеклому ко личушку,
И спросила у сердечна мила дитятка:
„Уже спишь ли ты рожоно мое дитятко?"
И приответит тепло-красно мое солнышко:
— Ты послушай же, родитель, моя матушка,
— И я давно да от крепка сна прохватился;
— И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
— И што же диется у солдатушка бессчастного
— И на обидноем, печальном ретливо́м сердче;
— И у меня множество великой заботушки,

— И в буйной го́ловы великой е кручинушки;
— И думу думаю о службе государевой,
— И помышляю о путь, ши́рокой дороженьке,
— И как поехать со любимоей сторонушки.
Я гляжу-смотрю, бессчастна еще матушка,
И на печальное рожоно свое дитятко:
И хоть ты на́ своей родимоей на родинке,
И быдто чуждой ты от братьицев-чужанинок,
И опришенной ты от роду, да от племени,
И все походочка твоя да переменена,
И нариченьице твое да не по-прежнему,
И очень томныи солдацки белы рученьки,
И от забот да бу́йна голова состарелась,
И от побоев бело ли́че изменилося,
И придержалася-то сила молодецкая;
И уныват мое победно ретливо́ сердче,
И разрыват да мою зяблую утробушку,
И столько гля́дячи на красное тебя солнышко,
И на печальное сердечное свое дитятко.
И ты не гневайся, сдовольной белой светушко,
И на бессчастную родитель меня матушку;
И я бы нынешним умом да теперь разумом
И не спустила ведь, печальна бы головушка,
И я тебя в злодий-службу государеву,
И я заперла б во свѐтлу тебя свѐтлицу,
И я замнула бы в ларчи да окованы,
Я держала бы впотай тебя от людушек.
И как спросили бы народ да люди добрыи,
И про тебя, мило сердечное бы про дитятко,
И я ответила бы добрыим тут людушкам,
Што отправилось рожоно мое дитятко
Со любимого сердечного гостибища
И он по вечеру, мой светушко, позднешенько,
И в полно́чь да ведь он темной этой ноченьки,
И далеко да в пути, ши́рокой дороженьке.
И ублаждала бы, печально тебя дитятко:
И тебе ествушки, победна бы, справляла,
И я медвяныи питья да составляла бы.
И ты послушай же, сердечно мило дитятко:
И лучше матушка земля бы расступилася,
И туды я, бедна горюша, приукрылась бы!

И не глядели бессчастны мои очушки
И на солдацку горегорькую кручинушку,
И на твои да все победны горючи слезы,
И тут не ржавело бессчастно бы сердечушко,
И о тебе да все болезном милом дитятко.

РАССКАЗ СЫНА, ПРИШЕДШЕГО НА ПОБЫВКУ, О СОЛДАТСКОМ ЖИТЬЕ

И приотвичу я, желанна тоби матушка,
И на ответ скажу, солдат, да я бессчастной:
И отряжашь до со родимой меня родинки;
И знать наскучил я, желанна тоби матушка;
И ты бы лучше ведь, родитель моя матушка,
И таких бы да ты ричей не говорила,
И сердечушко мое ты не печалила;
И как воспомнишь да ты службу государеву,
И так ведь сбвьется бессчастное сердечушко,
И обмерат моя победная утробушка.
И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
И како да е солдацкое живленьице,
И беспоместного солдату похожденьице.
Еще слушай же, родитель, моя матушка:
И как вешныи ручьи да розливаются,
И так у нас да горьки слезы проливаются.
И на ученьице, родитель, на мученьице,
И уже бьют да нас, победных, без повинности,
И до ран да бьют, родитель, до кровавыих,
И до умертвия, победных, бьют головушек,
И скрозе строй гонят, бессчастных, нас солдатушков;
И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
И доведут да нас солдатушки бессчастныи;
И тут мы падем от побоев о сыру землю,
И тут ряхнемся ума-разума в головушке,
И мы не чувствуем ведь добрых-то людушек;

И мы самы́ себя с побоев тут не ведаем,
И на плечах да мы не слышим тонко-белыих
рубашечек,
И мы лежим да со побоюшков без на́виду.
И тут подо́ймут нас солдаты новобраныи,
И под бессчастны горегорьки белы рученьки,
И сговорят эты солдаты новобраныи:
„Есь ли душенька у вас да во белы́х грудя́х,
Есь ли зреньице у вас да во ясны́х очах".
И мы не чувствуем, победнушки, не знаем—
И так изби́ты мы, победны, исколочены,
И ко сырой земли, победныи, приклонены.
И подымают нас солдаты, выговаривают:
„И да ты можешь ли, бессчастной-то солдатушко,
„И ты поднять свою бессчастную головушку,
„И ты от матушки поднять да от сырой земли,
„И уже стать да на бессчастны на резвы́ ноги́
„И все поднять свои бессчастны белы рученьки?"
И столько в ту пору, родитель, в тое времечко,
И мы роди́му свою сторону спомянем,
И мы желанных вас родителей проклянем:
И вы зачем да нас бессчастных спородили.
И еще слушай же, родитель моя матушка:
И как на ученьице ведь этом, на мученьице,
И вся изорвана победна наша силушка,
И вси сколочены ведь бедны наши костьица,
И вси истомлены ведь бедны наши рученьки,
И бесповинно бьют ведь нас до умертвия,
И все с голоду-то нас ведь заморяют,
И мы ведь с жадности солдаты посыхаем.
И как у нас, да у бессчастныих солдатушков,
И сердце бьется, как волна да на синем море,
И оно кровью ведь сердечко обливается,
И точно во́да в крутой берег ударяется.
„И ты поро́сскажи, довольной белой светушко,
И про свою судьбу, горюше мне несчастную,
И про злодийну эту службу государеву,
И бесталанное солдацкое живленьице".
И отвечает да тут солдат бедной походной:
„И ты послушай-ко, родитель, моя матушка!
И не выспрашивай, родитель, не выведывай,

И себе на́ тоску, родитель, на великую,
И на обидушку, родитель-то, несносную.
И мое дальнее, родитель, похожденьице,
И далеко был от родимой я сторонушки:
И за морями я, родитель, за глубокима,
И за горами я, родитель, за высокима,
И далеко да был за мхами за дыбучима,
И за великима лесами за дремучима;
И тут птиченька ведь е да не пролетывае,
И малы червышки туды да не проплывывают,
И добры людушки туды не проезживают.
Уже-ой, да мне, родитель, так тошне́шенько:
И не воротится победно ретливо́ сердче,
И россказать да про бессчастное живленьице,
И бесталанно горегорько похожденьице;
И ты ведь лучше бы, родитель, моя матушка,
И ты на белый свет меня не попустила,
Аль спустила бы, родитель, во сине́ море,
И ты со этым бы катучим белым ка́мешком:
И на белом свете ведь я да не шатался бы,
И по чу́жоей сторонке не скитался бы.
И кабы знала ты, родитель, про то ведала,
И про мою да про бессчастну жизнь солдацкую:
И как победна моя спинушка избитая,
И тут солдацка голова да приколочена,
И вси изломаны победны мои костьица,
И я избит, бедной солдатушко, измученой,
И мне ученьице-то было—все мученьице;
И сперва не́-далось, родитель, мне-ка матушка,
И мне солдацкое, родитель, то ученьице;
И споминил да я родиму там сторонушку,
И проклинал да я родитель, тебя матушку,
И поразгневался на братьицев родимых,
И отрекнулся от крестьянской этой жирушки,
И не уписывал родителю я матушке,
Я не низкое поклонно челобитьице,
И я победну эту жизнь свою солдацкую.
И рассказать тебе, родитель, родна матушка,
И на-б на летной систь господень божий де́нечек:
И как к оружьицу бессчастных приучали,
И мы не в день, не в ночь, победныи, не спали;

И ты послушай-ко, родитель, моя матушка:
И хоть студёная холодна эта зимушка,
И хоть плящии морозы неудобныи,
Хоть на улице погода непомерная,
Хоть буйны́ ветры́ с снежком идут пери́стыим,—
И столько нас бедных солдатушков
бессчастныих
И на ученьице нас гонят тут на улочку,
И на гладкое на чистое на полюшко;
И хотя ж бьет эта погода непомерная
И во бессчастны нам во ясныи во очушки,
И веют ветрышки во блеклое во личушко,
И хоть зябёт наше ретливое сердечушко,
И не куда ж да тут, родитель, не деваешься,
Тут от ветрышка, родитель, то не скро́бешься,
И от погодушки, родитель, не схоронишься,
И со шириночки, родитель, тут не выскочишь:
И тут командуе начальство превеликое;
И от оружьица зябут да ручки белыи,
И от снежку да зябут резвы наши ноженьки,
И принавие наше бедно это личушко.
И ты не плачь, родитель, не тоскуй еще,
И мне-ка дай волю, родитель, то повысказать,
И я повыскажу, родитель, ты повыслушай:
И на ученьице стоим да день до вечера,
И с руки на́ руку оружье перекладываем,
И с ноги на́ ногу ведь мы да переступываем,
И справа на́лево ведь мы да все повертываем,
И выше го́ловы оружье подымаем,
И поскоре́шеньку оружье заряжаем.
И не дай боже, то родитель, не дай господи,
Уж как этой грозной службы государевой!
И хоть оружьице у нас да все прома́хнется,
Аль плечо с плечом у нас да все не со́йдется,
Аль ступня с ступней у нас да не сровняется,
И тут заметят куманде́ры-то ведь ротныи,
И по белу личу дают да нам затре́щенье,
Аль по го́ловы дают оны зау́шенье,
Аль под белую-то грудь оны—подты́чину.
И как во ту пору, родитель, в тое времечко,
И прозабу́дем мы родиму свою сто́рону;

И не до вас да нам, родитель, родна матушка,
И мне не до своих сердечных своих детушек,
И я повыложу с ума да молоду́ жену.
Хоть с ученьица в казармы ворочаемся,
И мы придем да во казармы во казенныи,
И не дубовыи столы да нам расставлены,
И все не шиты скатерти да нам разостланы;
И нам ведь ествушки готовы не сахарныи,
И да нам питьица готовы не медвяныи:
И точно питьице, победным нам, скотинное,
И еденьице бессчастным лошадиное;
Уеданьице—мякинны нам сухарики,
Упоеньице—нам водушка со ржавушкой.
И тру́дна, тя́жела ведь служба государева.
И не спокойно тут солдацкое сердечушко—
И наб в умы держать бессчастным тут
солдатушкам:
И как начальству нам, победнушкам, явитися,
Штоб мондеры сукон серыих наглажены,
И как оружьица ведь были бы начищены,
И сабли вострыи ведь были бы насветлены;
И кабы видела, родитель, моя матушка,
И как стоим да на ученье во чистом поле,
И тут обмерло бы ретливое сердечушко—
И тут бы пала тут, родитель об сыру землю;
И нам не выдано, солдатушкам победныим,
И круг сердечушка нам теплых этых шу́бонек,
И мы в одных, бедны, мондерах сукон серыих;
И как мундерики у нас плотно застегнуты,
И бела́ грудь да у нас крепко ведь подтянута,
И ретливо́ сердче у нас да обрестовано;
И на годо́вой-то бладычной божий праздничек
И нам больши того живет да все мученьице;
И день до вечера живет да на ученьице;
И ты бы видела, бессчастна моя матушка,
И тут ты впала бы в тоску неугасимую,
И во злодийную великую обидушку.
И подрожат да наши белыи тут рученьки,
И подломятся бессчастны резвы ноженьки,
И приужахнется солдацкое сердечушко,
И ум тот разум во головушке мешается.

И не радию я, солдат бедной бессчастной,
И не какому-то теперь да неприятелю,
И столько быть да все во службе государевой,
И што оружьица носить да во белы́х руках,
И сабли вострыи держать да на белы́х грудя́х.
И кабы видела, родитель, ты бы слышала,
И как стреляют со ружья да завоенного,
И устрашилась бы, родитель, уполо́халась;
И с этой страсти бы, родитель, с перепо́лоху,
И подломились бы ведь резвы твои ноженьки,
И подрожали бы пристарши твои рученьки,
И ты бы о́тперлась, родитель, отказалась бы,
И ты глядить-смотрить, печальная головушка,
И на бессчастныих солдатушков походныих
И на ученьице ведь их да на мученьице.
Уже слушай же, родитель, моя матушка:
И не начался я солдат, бедной походной,
И столько в живности, родитель, моя матушка,
И побывать да на родиму я сторонушку;
Да я думал все бессчастным своим разумом,
Што с побоев приде́ скорая смере́тушка,
И со страсти выде душенька с белы́х грудей.
И еще слушай же, родитель, моя матушка:
И как война когда ведь есть да сочиняется,
И тут мы скажем-то, солдаты новобраныи,
И на войну пойдем, солдатушки, бессчастныи,
И со белым светом пойдем да расставаемся,
И меж ду́-другом, бессчастныи, прощаемся.
И тут оружьица у нас да призаряжены,
И сабли вострыи у нас да принаточены,
И воевать пойдем ведь мы да с неприятелем,
И день и ночь идем мы ши́року дороженьку;
Приустанут тут резвы наши ноженьки,
И примашутся бессчастны наши рученьки,
И приустанем мы, солдаты, призамаемся.
И во пути да мы, дороженьки, роздумаемся,
И мы во дальной горюны́ да поросплачемся.
И во пути, да нам во ши́рокой дороженьке,
И нету водушки, родитель, на питемьице,
Хлеба-соли нет у нас да на яденьице,
И нет спокою-то ведь темной этой ноченькой,

И нет отдыху на бладычный божий праздничек.
И мы идем путем, широкоей дороженькой,
И мы горючима слезами обливаемся,
И свою сторону, солдаты, споминаем:
И не бывать да на родимой, може, стороне.
И мы прижмем к сердчу оружьица военныи,
И сговорим да мы бессчастны таково слово:
И вы оружьица военны—родны матушки,
И штыки вострыи—ведь вы да сестры родныи;
И вы спасите-тко солдатов, сберегите-тко,
И на двенадцать частей пушки розорвитесь-ко,
И к неприятелю теперь да к ретливу сердчу,
И повредите вы злодия супостатова!
И на сраженьице солдаты побывали,
И трои суточки мы хлеба не едали.
И как сраженьице у нас да сочинялось,
И от солдацких слез земля да подгибалась,
И от обидушки следочки заплывалися;
И темны лесушки к зени да приклонялися,
И звери лютые от страсти розбегалися,
И в переполоху тут птиченьки падали.
И мы ж, солдаты, тут стояли, не пугалися,
И мы палили, тут удалы не дробили ведь,
И тут сражение да было превеликое,
И кроволитье да тут было приужасное;
И от дыму-то не видно свету белого,
И мы ходили-то, солдаты, по колен в крови,
И мы плавали, солдаты, на плотах-телах,
И ручьями кровь да туды-сюды разливается,
И наше храброе сердче да разгоряется;
Тут одна рука не може, другая пали,
Тут одна нога упала, другая стой;
И раззудилося плечо, да расходилося,
И бурлацкое ведь сердче не устерпчиво:
И гди ведь пулей не-йимем, там грудью берем,
А где грудь не бере, душу богу отдаем.
И ка-бы знала бы, родитель, про то ведала,
И отрекнулась бы, родитель, отказалася,
И ты глядить-смотрить на это на сраженьице.
И ты бы пала тут, горюша, о сыру землю,
И ты обмерла, победна, в переполоху,

И тут закрыла бы, бессчастна, ясны очушки.
И еще слушай-ко, родитель, моя матушка:
Уж как в злодийной этой службе государевой,
И не порой да молодецкая головушка состарится,
И как бурлацка эта кровь да потеряется—
И день и ночь да с ружьем стóячи военныим,
И с пистолетом там, родитель, зарукавниим,
И со штыкамы-то, родитель, все со вострыма.
Уж ой же, эта служба государева;
Я привиделся, солдат, бедной бессчастной,
Я обидушки, родитель, злой досадушки,
И я больший того, родитель, все напраснины:
И хоть повыстанем, солдаты, мы поутрышку,
И не ключевой водой мы умываемся—
И мы солдацкима слезама упиваемся,
И мы великоей кручиной утираемся.
И еще слушай же, родитель, родна матушка:
И кабы нынешним умом да теперь разумом,
И не боялся бы ведь братьицев родимых,
И не пожалел бы я любимоей скотинушки,
И не дому бы я, крестьянской этой жирушки;
Я запродал бы хоромное строеньице,
И всю бы милую, любимую скотинушку,
И заложил бы я участки деревенскии,
И в заклад бы отдал поля да хлебородныи,
И сам задался бы к крестьянину богатому
И я бы на десять учетных долгих годышков,
И я во летны бы задался во работнички,
И я во зимныи задался б дроворубчики,
И тут бы нáжил золотой казны по надобью,
И откупился бы от службы государевой.
Уж я лучше бы, родитель, моя матушка,
И день и ночь да у крестьянина роботал бы,
И чим во злодейных солдатушках походныих;
И хоть бы жил я во победной этой жирушке,
И я не славныим бы жил да ведь крестьянином,
И столько на своей на вольной был бы волюшке:
И буйна гóлова ударов не ведала бы,
И бедны плечушки побоев не терпели бы,
И я не бит был бы победной, не изломаной,
И не изломаной я был бы, не истасканой".

ОТВЕТ МАТЕРИ НА РАССКАЗ СЫНА О СОЛДАТСКОМ ЖИТЬЕ

И послушай же, бессчастно мило дитятко:
И как ты сказывашь, дите́, да выговариваешь,
И про свое да ты солдацкое живленьицо,
И мое рвучи-рвет ретливое сердечушко,
И моя трескае ведь матерна утробушка
И об тоби да ведь бессчастном милом дитятке.
И как до́ этой поры, да этой времечки,
И тосковала хоть печальная головушка,
И все не знала я, горюшица, не ведала,
И про твою да злодий-службу государеву,
И про побоюшки твои да про тяжелыи;
И нонь узнала я, горюшица, спроведала,
И про твою да бедну жизнь я про солдацкую:
И было замёртво дите́ мое колочено,
И до кровавых ран ведь плечушки изломаны,
И до уломов-то ведь костьица надсажены,
И все подбиты-то бессчастны твои очушки;
И ты послушай же, бессчастно мое дитятко,
И ты повысказал победной мне головушке
И про злодийну ты про службу государеву,
И мне-ка на́ тоску, горюшице, великую,
И на обидушку, победной, мне несносную;
И как посли тебя, сердечно мое дитятко,
И тосковать буду, печальная головушка,
И как кокошица, горюша, во сыром бору,
И буду плакать под косевчатым окошечком
И лётной день да я, победная, до вечера.
И не забыть буде печальной мне головушке,
И мне не в день, не в ночь, сердечно тебя
дитятко,
И не на бладычный-то господень божий
праздничек.
И ты послушай же, рожоно мило дитятко,
И да што я скажу победная головушка:
И вы корились бы, бессчастныи солдатушки,
И вы безумному начальству неразумному,
И вы пали бы, победны, во резвы́ ноги́,

И да вы этыим злодиям супостатыим,
И вы молили бы злодиев от желаньица,
И сговорили бы единое словечушко:
„И вы не бейте понапрасну, не терзайте-тко,
„И вы не мучьте бесповинно, не таскайте-тко,
„И с наших плеч да вы ведь кровь не
проливайте-тко,
„И занапрасной нам смерéтушки не
придавайте-тко,
„И вы оставьте-тко нам душу на покáяние".
И пораздумаюсь бессчастным умом-разумом:
И оны бéз души—судьи неправосудныи,
И оны бéз креста—злодии супостатыи:
И не жалиют-то солдатушков бессчастныих,
И за пропáщу их собаку почитают,
И не веруют слезам да горегорькиим,
И знать, што роду-то оны да не крещенского.
И еще слушай же, рожоно мило дитятко:
И вы бы дý-друга, солдатушки, не выдали,
И вы бы нáшли писаречка хитромудрого,
И с своей стóроны бы вы, да с Новагорода,
И вы с обидой челом били бы великоей
И да вы этому царю да благоверному,
И уж вы этоей царице милосердоей,
И вы нá этых злодиев супостатыих,
И вы нá этых судей неправосудныих.
И тут раздумаюсь бессчастным умом-разумом:
И скрозекозны эты судьи страховитыи,
И штуковиты эти власти немилосердыи,
И нету страху у злодиев в ретливóм сердчé,
И нету совести у их да во ясных очах,
И не допустят-то прошеньица бессчастного;
И оны с дý другом, злодии, увидаются,
И тут изóрвут-то гербовую бумаженьку.
И тут обыщут ведь солдатушков бессчастныих,
И горевать, видно, бессчастным век и по-веку.
Да вы слушайте, народ, да люди добрыи,
И вы, милыи суседи спорядовыи!
И да што я скажу, победная головушка,
И я про этыих злодиев супостатыих,
И я про этых вертунов да самохватныих,

И я про этых тонконог да вихреватыих;
И как бессчастны ведь, злодии, неталанныи;
И как у этыих хватóв—да подтяни нога,
И как у этых вертунов—да поссшиби рука,
И нету душеньки у их да во белы́х грудя́х,
И нету совести у их да во ясны́х очах;
И нет ума-то у их да во буйной гóловы,
И гордо гóлову несут да все посвистывают,
И во мамоны-то у их да все побурливае.
И уж как этыи ярыги скрозекозныи,
И подольщаются кó тщерям оны матерным,
И с ума сводят оны девушек молóдыих;
И своей збруей-то оны да все позванивают,
И во кругáх-тóнцах оны да их завертывают.
И как безумны эты девушки молóдыи,
И они виря́т-то ярыгам скрозекозныим;
И на ричáх оны, злодии, чваковитыи,
И во умáх оны, ярыги, все дурливыи;
И во устáх да ведь соты́ у их медвяныи,
И во сердцах у их—змия да подколодная;
И усмехаются оны да посмеиваются,
И над красой-басой девочьей потешаются,
И над родителью ведь их да надрыгаются;
И судил господи, велико бесталаньице,
Уж как этыим злодиям супостатыим;
И ведь казнил да их господи безумьицом,
И как за ихно за велико беззаконие;
И не жалиют, што солдатушков бессчастныих,
И за пропáщу их собаку почитают,
И все бьют да их бессчастных до умертвия.
И еще слушайте, народ, да люди добрыи:
И я спросила у сердечного у дитятка,
И как у этого солдатушка походного,
И ты в котору лучше шел бы во дороженьку—
И ты во матушку бы шел да во сыру землю,
И лучше принял бы ведь скорую смеретушку,
Аль пошел бы ты в полки да новобранныи,
И во солдаты бы пошел да во походныи?
И приответит тут, сердечно мое дитятко:
И ты послушай же, родитель, моя матушка,
И да ты, глупая старушка, неразумная:

И пока бог души не вынет, так сама душа не выдет.
И я не знаю же, солдат бедной, не ведаю,
И уже гди да моя жизнь бедна скончается,
И гди помрет моя солдацкая головушка,
И гди схоронится победно тело грешное.
И я ждал бы-то, родитель, родна матушка,
И помереть да на родимой своей родинке,
И не радел бы я солдат бедной, бессчастной,
И как по дальной ходить широкой дороженьке,
И все принять да ведь смеретушку напрасную,
И я от этыих властей неправосудныих,
И я от этыих судей да скрозекозныих,
И я от этыих злодиев супостатыих;
И впереди судьба бессчастна уродилася,
И бесталанна мне-ка жизнь да прилучилася,
И как служить да в грозной службе государевой,
И век коротать на великоем мученьице,
И на великоем мученьи—неудольноем.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ И СТАРИННЫХ СЛОВ

Базыковаты — бранчливы, сварливы.
Безотнии — без отца.
Безуиенныи — безуемные — т. е. которых не унять.
Блада — млада.
Бладыко — владыка.
Ведома — весть.
Ветляныих — развязных, расторопных.
Возжупляет — поет пташкою.
Гостибищо — пирушка, гости.
Груба — сердита.
Дольщица — участница в доли.
Живленьице — житье.
Жирушка — жизнь.
Жупляньице — жупеть, возжуплять — петь пташкою.
Затульице — ограда, защита.
Кехтала, кехтать — хотеть, охотиться к чему.
Кокоша — кукушка.
Костыч — будничный, старинный сарафан.
Липинки — дверной, оконный косяк.
Луды — подводные камни.
Матёрый — дородный, возмужалый.
Мижонный — от межень — жаркая пора.
Мутарсливые — мытарственные, трудные.
Неудольноей — бессчастной.
Нешутушки — невестки.

Нуньку — ныне.
Огрублены — обижены, оговорены, оклеветаны
Опришенна — отрешенна.
Отпорядничала, порядничать — править хозяйством, готовить, варить, обряжать стол.

Падара — буря падара — сильная буря.
Паю — части, пая.
Переному — обнесенному перильцами.
Перепалась — изнемогла, испугалась.
Плящии морозы — от корня *пл*, откуда: пламя, пыл. Эпитеты огня и морозов.
Повозники — обозники.
По-досюльному, досюльный — до сего времени, прежде.
Подрациваю — поглаживаю рукой.
Пожня, поженки — покосный луг.

Позоры — позор, позорище.
Пойво — питье.
Порядня — заведенный порядок.
Посиделищо — очень старый, седой.
Приворотцик — привратник.
Придрокушка — ласка.
Прискудалась — оскудела, обнищала.
Прокладбище — продолжение, удлинение удовольствия. Ср. проклажаться.
Пронос — не впронос — не для сплетен, чтобы не пронесли по всей деревне.
Пронятися — выйти из затруднения.
Ригач — рига, овин.
Рутит — роняет.

Рушу — роняю (слезы).
Самохватныих — хвастливых.
Сдержавушка — муж.
Семеюшка — муж.
Скоп — сходка.
Скрозекозныи — исполненные козней.
Сомношечко — несомношечко — немного.
Спахнуся — спохвачусь.
Сплеснулась — сшиблась.
Столыпатися — бродить толпами.

Стопочки — вешалка.

Сурова — резвая, шаловливая, бойкая.
Туляешься — прячешься.
Удовец — вдовец.
Упалой — упавшей духом, испуганной.
Утовщище — вдовец, удовец.
Уцьливой — учтивой, вежливой.
Штуковаты — хитрые, затейливые, себе на уме.
Щепливой — щегольской.
Ям — место для сходки, земская изба.
Яриги — пьяницы, беспутники, развратники.

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор Бабич Н. Ф. Корректор Воронин С. Техн. ред. Бабаев С.

Уполн. Главлита Карельской АССР № В—619 Каргосиздат 152 Заказ № 315
$8^3/_8$ п. л. 6 ав. л. кол. зн. на п. л. 36.000 Тираж 3107 Формат бумаги 82×11
Сдано в набор 16/IX-37 г. Подписано к печати 15/VIII-38 г.

Гос. типография им. Анохина. Петрозаводск, Пушкинская 7.

Замеченные опечатки.

Стран.	Строка сверху	Напечатано	Следует читать
23	13	победушке	победнушке
24	34	Не нечаяла	Не начаяла
35	1	шепливой	щепливой
41	4	О этых	От этых
48	34	пора-времеячко	пора-времячко
97	13	в спорожен	спорожен
107	14	И ни роздий	И на роздий
114	3	И недорос	И недород
123	2	И не какому-то	И никакому-то

Зак. № 3155. Тир. 3107.

СОДЕРЖАНИЕ

~~Цена 2 руб. 50 коп.~~